ТИХОН СЁМУШКИН

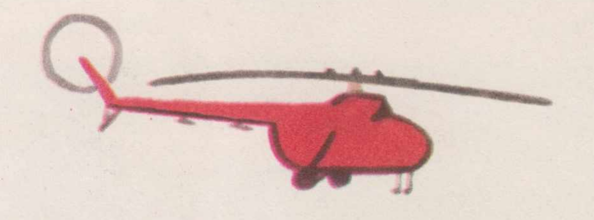
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЙВАМА

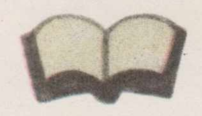
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ", МОСКВА · 1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ"
МОСКВА
1978

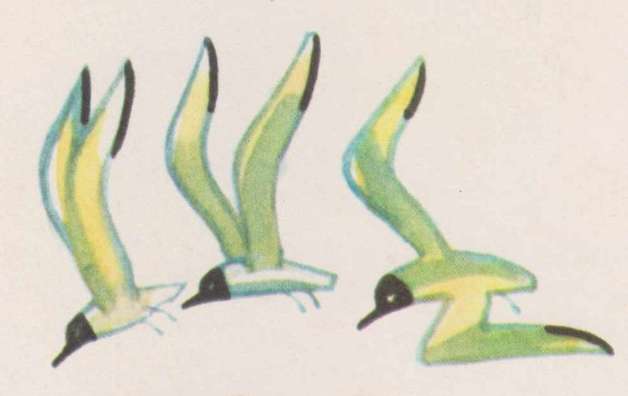

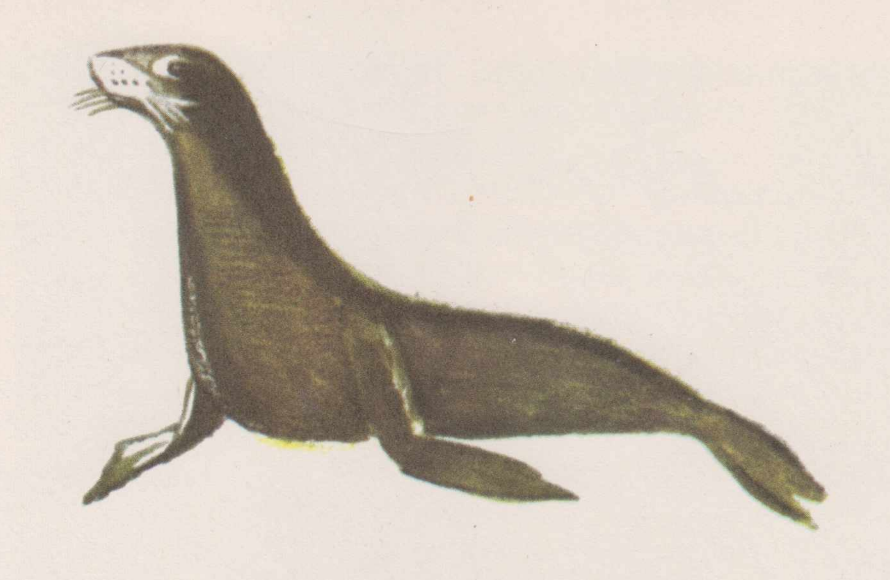
ТИХОН
СЁМУШКИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЙВАМА

Художник
Юрий Копейко

Последний урок тянулся особенно долго. Айвам почти уже не слушал, что говорит учительница, и, ёрзая на скамейке, поминутно глазел в окно.

— Айвам, что ты сидишь, как на горячих углях? Сиди спокойно и слушай внимательно, что я объясняю,— строго сказала учительница.

Айвам понурил голову и опустил карие глаза на изрезанную ножом крышку парты. Мальчик как бы превратился в костяного черноголового истуканчика, какие дядя Тэнмао вырезал из моржовых бивней, долго пролежавших на дне моря и оттого почерневших. Он сидел прямо, сложив руки на груди, как у костяных божков. Но, несмотря

на строгое замечание учительницы, терпения его хватило ненадолго. Скосив один глаз, он опять заглянул в окно, освещённое снаружи луной.

Стояла пора полярной ночи. Это время, когда навага идёт вдоль берегов косяками. Ловля рыбы и беспокоила Айвама. Зайдёт луна, тогда не пойдёшь во льды половить на крючок рыбку.

Немного вытянутая голова Айвама, с небольшой впадиной посредине черепа, поросшая словно жёсткой чёрной щетиной, казалась совершенно неподвижной. Мальчик казался серьёзным только с виду. Думая о наваге, он всё время порывался смотреть в окно. Учительница хотела вторично сделать ему замечание, но тут прозвенел колокольчик. Айвам перемахнул через парту и первым выбежал из школы, на бегу надевая расшитую меховую кухлянку.

Снежная тропинка к яранге проходила по гранитным камням, с которых ветер всегда сдувал снег, и они чернели, как летом. Сокращая путь и прыгая с камня на камень, Айвам во весь дух мчался домой, сверкая пятками оленьих торбазов[1].

От январской оттепели и наледи камни были скользкие. Мягкие торбаза́ с влажной лахтажьей[2] подошвой скользили по ним, и нужна была необычайная сноровка, чтобы бежать с такой скоростью и не расквасить себе нос. Но Айвам был отличный прыгун — он ни разу не споткнулся. В свои двенадцать лет он уже брал призы по прыжкам даже в соревновании со старшими мальчиками. И если бы не занятия в школе, он ходил бы на охоту за нерпой и кормил бы семью мясом, как и его отец, давно уже погибший во льдах. Но теперь вот и рыбку половить некогда: в школу надо ходить.

Луна — единственный источник света, за которым следил Айвам, — заменяла давно скрывшееся солнце. Айвам очень спешил: ведь скоро и луна скроется в торосах[3] моря.

---

[1] Торбаза — меховая обувь из оленьих лапок.
[2] Лахтак — морской заяц. Из его кожи делают подошвы.
[3] Торосы — нагромождения льдов.

Так размышляя, он вбежал, запыхавшись, в сенки своей яранги и, быстро приподняв занавеску мехового полога, передал матери школьную сумку. Затем, торопливо схватив со стенки рыболовный крючок с блесной и мешок из нерпичьей кожи, бросился к выходу.

— Айвам! — послышался голос матери.— Не хочешь ли ты убежать куда? Или ты забыл, как я люблю поскорей услышать школьные новости? Да и не мешало бы тебе съесть кусок нерпичьего мяса. Ведь мясо молодой нерпы ты не отличишь от гуся.

— Нет, Уакат! Я поем и расскажу тебе новости после, когда наловлю рыбки. Луна скоро зайдёт! — крикнул мальчик на бегу и добавил: — Нельзя пропустить ход наваги.

Доносились ещё какие-то слова Уакат, но Айвам уже не разбирал их и мчался к обрывистому морскому берегу.

Вслед за ним, спотыкаясь и ударяясь мордочкой о камни, гнался Лилит. Грязный, мохнатый Лилит. Он всегда перепачкается в нерпичьем жиру. Он даже ещё не научился как следует облизывать себя. Его нельзя было бы и любить, если бы Лилит не казался таким умным и ласковым. И, кроме того, Лилит был всегда весёлым. Он мог даже смеяться глазами, а если чуть обидишь, то и плакать. Вот какой Лилит! Айвам в своё время принял большое участие в жизни Лилита. Короче говоря, Айвам спас ему жизнь.

— Оставлять белошёрстного щенка — зря корм переводить. Толку не будет. Всё равно из него не выйдет настоящей собаки. Он даже не удержался на донышке ведра,— категорически и со знанием собачьего дела сказал дядя Тэнмао.

Конечно, о щенке дядя Тэнмао говорил правильно, и вот почему. Когда принесли ещё слепых кутят от только что ощенившейся Звёздочки, он взял их и положил на дно перевёрнутого ведра. Слепые кутята ворочались, ползали на донышке, и некоторые сваливались за борт.

— Вот те, которые подползают к краю и чувствуют опасность и отползают назад,— объяснял дядя Тэнмао,— они будут разумными собаками. На таких не страшно ездить в пургу: не свалишься с

обрыва. А эти, что упали с донышка ведра,— свалились, не чувствуя опасности,— не собаки. За такую собаку не только три песца никто не даст — на заячью шкуру никто её не захочет выменять.

Одноглазый дядя Тэнмао был достойным человеком. Ещё будучи молодым парнем, он слыл искусным охотником на диких оленей. Однажды в горах он заарканил очень крупного оленя-быка. Тэнмао отличался тогда необыкновенной силой, и всё же он с трудом подтянул его. Огромный бык метался как безумный, увлекая за собой охотника. Тэнмао упирался ногами в снег и сам напрягался до предела. Борьба человека с диким оленем продолжалась долго. Наконец Тэнмао подтянул к себе быка, и в тот момент, когда охотник направил нож в сердце мечущегося оленя, отросток ветвистого рога выбил левый глаз у Тэнмао. С тех пор он получил прозвище «Одноглазый».

Тэнмао хорошо понимал жизнь и пользовался среди охотников всеобщим уважением. Недаром русские поручили ему управлять маяком, который освещает путь проходящим кораблям.

И всё же, несмотря на то что дядя Тэнмао говорил правду, Айвам поднял этого самого мохнатого белошёрстного щенка, упавшего с донышка ведра, прижал его к груди и стал уговаривать дядю не убивать щенка.

Дядя Тэнмао после гибели отца Айвама заботу о его семье взял на себя. Он очень полюбил мальчика Айвама и относился к нему как к родному сыну. На просьбу Айвама, очень настойчивую, дядя Тэнмао улыбнулся своим единственным глазом и сказал:

— Пусть живёт!

В тот же день Айвам дал ему кличку «Лилит», что означало «камусовая рукавица». С тех пор между Айвамом и Лилитом установилась неразрывная дружба. Нередко они вместе и спали. Лилит стал любимцем всей семьи.

Когда Айвам бежал к морскому берегу и обронил рыболовный крючок, он оглянулся и увидел бегущего за ним Лилита. Айвам рассердился: каждому понятно, что у него не было времени возиться сейчас с псом. Он погрозил щенку и довольно внушительно крикнул:

— Лилит, домой!

И действительно, недружелюбный голос хозяина возымел своё действие: щенок остановился. Он сел на задние лапы и недоуменно уставился на хозяина тремя чёрными точками: два глаза и нос. Но в следующий же миг пёс стал игриво крутить пушистым хвостом, разметая снежинки, и заискивающе улыбаться глазами Айваму хотя лицо Айвама было определённо сердитое: брови нахмурены, губы вытянуты — приготовлены для ругательства.

— Домой, Лилит! — громко крикнул он ещё раз, резко шагнув в сторону щенка.

Лилит поднялся и медленно пошёл обратно, но всё же оглядывался, явно не понимая настроения хозяина.

Как только Айвам опять побежал вперёд, Лилит быстро повернулся, секунду постоял, что-то ловя своим чёрным носом, и, словно рукавица, подхваченная ветром, покатился вслед за мальчиком. Айвам вышел из терпения. Он в третий раз остановился и в третий раз озлобленно пригрозил псу. Айвам даже плюнул в сторону Лилита.

— Совсем сдурел этот Лилит, только время отнимает! — вслух сказал мальчик.

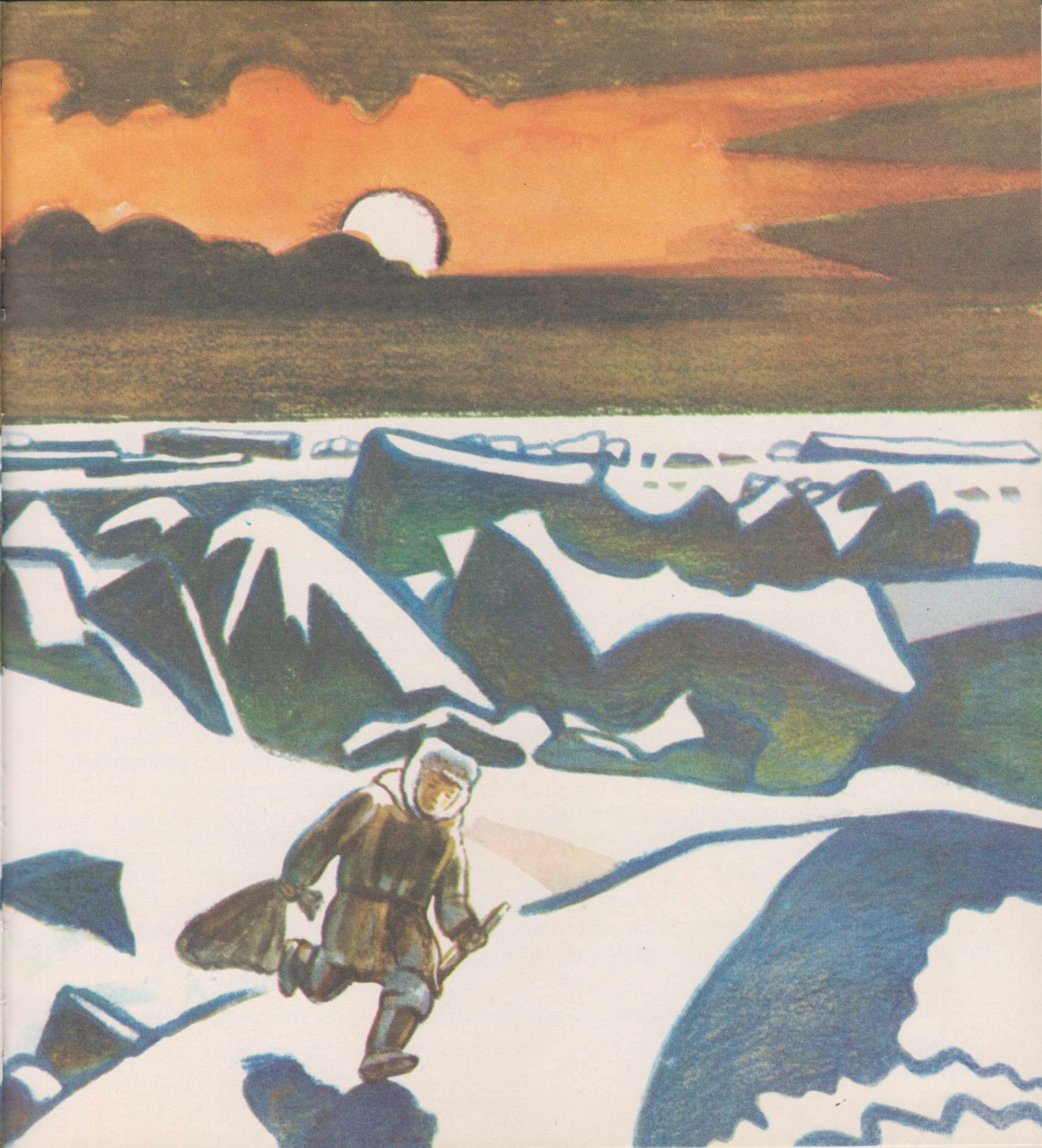
Ни угрозы, ни просьбы — ничто не действовало на щенка. Всякий раз, как только Айвам останавливался и грозил ему, Лилит, не решаясь приблизиться к нему, неизменно в отдалении присаживался. В этот момент его морда казалась противной и выражала лишь глупое упрямство, а глаза были совсем бесстыжие.

Айвам с укором и уже молча глядел на него, думая: «Взять бы его сейчас за уши и бросить в ярангу».

Мальчик поднял ком снега, кинул в щенка и очень быстро побежал вперёд. Добежав до крутого склона горы, где проходил морской берег, Айвам сел на нерпичий мешок. Один миг — и он пулей пронёсся на скользящем мешке до самых торосов моря. Хорошо скользит нерпа по снежному пласту, совсем как лыжи, подбитые этой кожей!

Айвам хотел было уже оттолкнуться ногами, как расслышал за собой знакомый звонкий, отрывистый лай. Мальчик обернулся, и лицо

его вдруг расплылось в широкую улыбку. Карие, немного раскосые глаза заблестели таким добродушием, что Лилит пришёл в восторг. Он ведь хорошо понимает выражение этих глаз! Лилит бешено завилял хвостом, тут же бросился к своему хозяину и взгромоздился на колени Айвама, сидевшего на нерпичьем мешке.

Укоризненно и в то же время ласково покачивая головой, Айвам, поглаживая пса, с нежностью сказал:

— Эх ты, Лилит! Попробовал бы ты вести себя так в школе!

Лилит этого только и ждал. Услышав обычный, ласковый голос хозяина, он заскулил в какой-то сладкой истоме, поднялся на лапки и лизнул Айвама в нос.

— Ну ладно,— сказал покорённый Айвам,— поедем.

И они покатили вниз по снежному обрыву с такой невероятной быстротой, что Лилит закрыл глаза и перестал дышать.

* * *

В ледовых полях было просторно и привольно. Чистые ледовые равнинки, запорошённые снегом, напоминали долину широкой тундры. Здесь изредка встречались одинокие ропаки[1]. Но впереди виднелись большие нагромождения льдов — торосы самой причудливой формы. Некоторые из них казались сказочными в лунном освещении. Луна будто посеребрила их, и они блестели, как оцинкованное железо на крыше школьного дома. Айвам всё это мигом разглядел, и на душе у него стало необыкновенно радостно. Он остановился против одного ропака и, разглядывая его, сказал:

— Смотри, Лилит! Вот этот ропак похож на парашют. Знаешь, что такое парашют? Нет, ты не знаешь. Ну, как белый гриб, за которым охотятся олени.

Но Лилит не дослушал Айвама и убежал вперёд: он также был в восторге от новой обстановки и необычных запахов, которых ещё

[1] Ропак — одиноко стоящая льдина.

и не знал. Он часто останавливался, вздёргивал носом и ловил воздушные потоки, наполненные морской влагой.

С пешнёй[1] в руке Айвам шёл торопливой походкой важного охотника-рыболова. На спине его болтались нерпичий мешок и рыболовный крючок с блесной. Мальчик важно ударял острым концом пешни в лёд и к чему-то прислушивался. С горы, где находилось селение, доносился лишь лай собак; голосов людей уже не было слышно. А впереди, во льдах, за зубчатой стеной нагромождённых льдов, казалось, стояло застывшее безмолвие ледяной пустыни. Но это только казалось. Айвам давно уже знает, что даже в самую тихую погоду лёд хотя и немного, но движется: морские течения не дают ему покоя. И тогда море, если прислушаться, будто шепчет. А над головой маленькое небо, совсем не такое, какое бывает при солнце. Оно будто продырявлено звёздами. Луна уже светила не с макушки неба, а опустилась над торосами и светила ярко-ярко. Разнообразные черноватые тени от торосов ложились на снег, и Айвам шёл по ним, как по вышитому нерпичьему коврику. Лилит бежал впереди. Он носился по льдам и поминутно оглядывался на мальчика. Но какой он обманщик! Вот смотри: почему он остановился и смеётся глазами, поводя кончиком чёрного носа?

Айвам подходит к нему и говорит:

— Лилит, ты хитрец! Ты думаешь, меня поджидаешь? Нет. Ты меня всё равно не обманешь. Лилит! Ты же не знаешь, куда идти: за эту льдину или за ту.

И, нагнувшись над щенком, поглаживая его, Айвам говорит совсем нежно:

— Поэтому и ждёшь. Я зна-а-аю!

Лилит вскочил и опять побежал.

Улыбнувшись ему вслед, Айвам направился в другую сторону, мимо высокой ледяной глыбы. Лилит остановился, поднял мохнатую морду и, словно потеряв рассудок, кубарем шарахнулся в сторону

---

[1] Пешня — орудие для долбёжки льда и твёрдого грунта.

Айвама. Он быстро догнал его. Они вместе полезли через торосы, стоящие на пути. Здесь уже Лилит без помощи хозяина не мог вскарабкаться почти по метровому отвесному куску ледяной глыбы. Айвам помнил, что несколько дней назад за этим ледовым барьером было большое разводье, по которому можно плавать на вольботе. Но теперь вместо открытой синеватой полыньи, чуть-чуть подёрнутой пеленой негустого тумана, образовался молодой прозрачный зеленоватый лёд. Здесь, на грани старого и молодого льда, сидел старик Налек. Около старика лежала большая груда уже замёрзшей рыбы. Удочка лежала рядом, а в руке Налека была большая деревянная трубка. Старик отдыхал.

— Дедушка! Рыбка есть? — ещё издали крикнул Айвам.

— Много было. Не успевал крючок опускать в лунку. Теперь стороной пошла, подальше. Совсем здесь перестала ловиться.

Айвам подошёл к старику, взял одну мёрзлую рыбку и, направляясь дальше, на ходу стал грызть её:

— Какая вкусная рыбка!

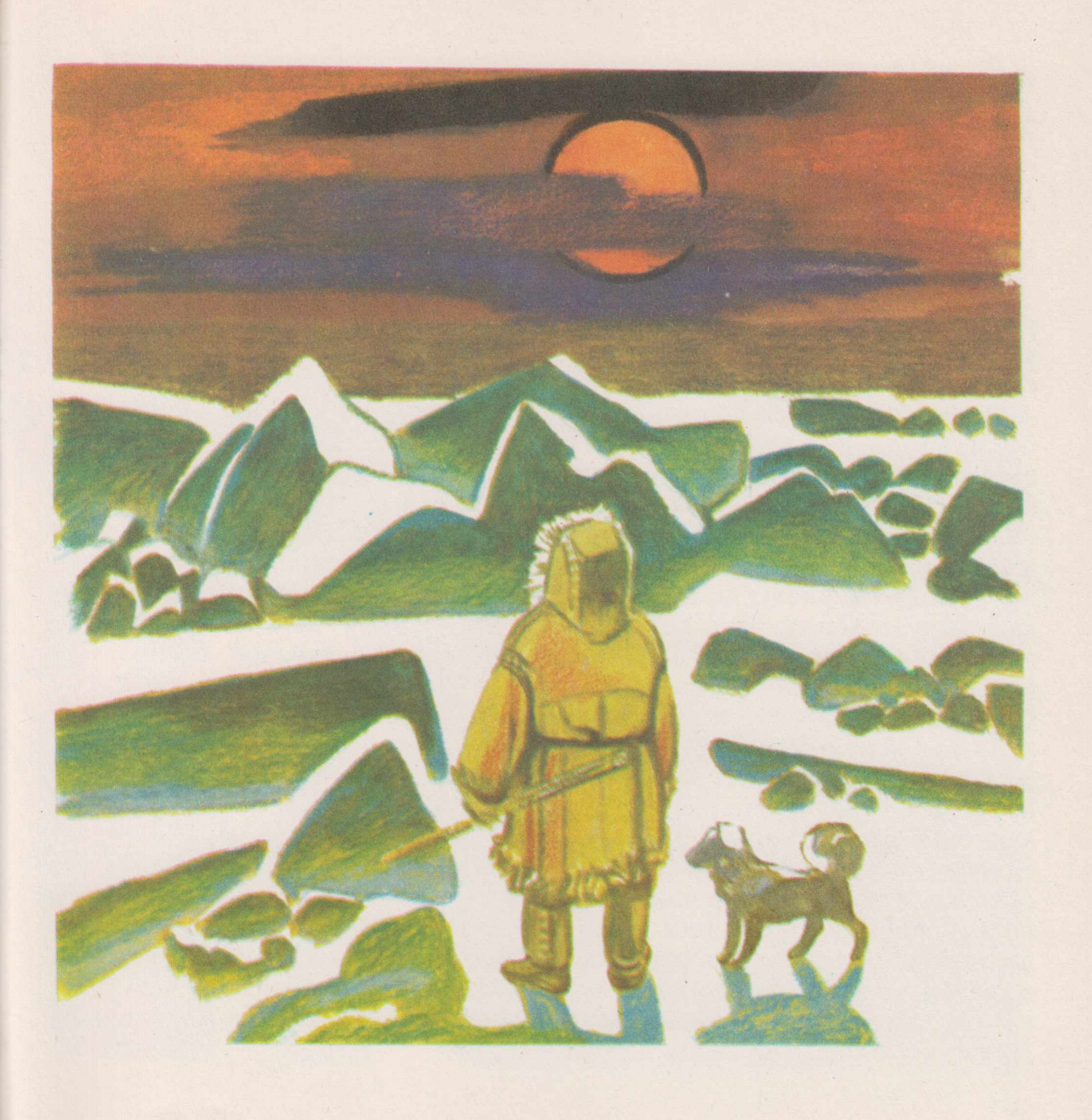
Мороженая рыба, и в особенности строганина[1], была очень вкусной, и даже люди, прибывшие сюда с Большой Земли, привыкали к этому блюду и всегда искали случая поесть мёрзлой рыбки или строганины.

Пройдя немного дальше, Айвам вскарабкался на высокий торос. Кругом виднелись горы льдов и кое-где впадины — следы недавних полыней, уже покрытых вновь образовавшимся льдом. Сбежав с тороса, он осмотрел тонкий лёд и немедленно начал долбить лунку. Вскоре в лунке показалась вода.

Закончив работу, Айвам со всей важностью и знанием дела приступил к ловле наваги. Он сидел на корточках, и его маленькая фигурка в меховой кухлянке с капюшоном, в меховых штанах и меховой обуви издали напоминала бурого проказника-медвежонка.

---

[1] Строганина — стружки из сырой мороженой рыбы.

И движения его, когда он опускал и дёргал лесу, привязанную к короткой палочке, дополняли это удивительное сходство. Рядом сидел Лилит и со всей серьёзностью и с недоумением смотрел на хозяина. Он даже сорвался с места и попробовал лапкой ударить в лесу, но Айвам цыкнул на него и сказал:

— Это тебе не игрушка, а рыбная ловля!

Айвам безуспешно дёргал лесу: рыбка не ловилась.

— Придётся уходить отсюда, Лилит,— сказал Айвам.— Наверно, рыбка идёт под старым льдом; под этим тонким льдом свет пробивается.— И Айвам, забрав свои рыболовные снасти, полез по торосам искать новое место.

Вскоре он нашёл полосу старого льда и начал вновь долбить лунку. Сначала крошки льда он выгребал рукой, но по мере углубления стал выбирать их черпаком, сплетённым из нерпичьих ремней и привязанным к другому концу пешни. Так после некоторых усилий он продолбил лунку во льду толщиной примерно в метр. Вода заполнила её и от дыхания моря казалась живой. Айвам выловил остатки битого льда и вновь приступил к рыбной ловле. Не успел он опустить крючок, как почувствовал, что подцепил рыбку. Двумя палочками, быстро перебирая лесу, он вытащил крупную навагу. Крючок вонзился в хвост. Лицо Айвама сначала радостно засияло, но он с деланным безразличием снял её и отбросил в сторону. Рыба, оглушённая ударом, лежала спокойно.

Лилит не замедлил прыгнуть на неё. Но как только дыхание его коснулось рыбки, она, словно пружинка из китового уса, изгибаясь, взлетела немного вверх. У Лилита вздрогнул кончик носа. С испуганными глазами пёс перевернулся через спину и бросился бежать без оглядки. Он сел в сторонке и издали беспокойно посматривал на это не виданное им чудовище. Нос всё ещё нервно подёргивался. Айвам посмотрел на него и звонко расхохотался, но тут же, приняв серьёзное выражение лица, потянул леску и вытащил сразу двух рыбок. Одну из них, что была поменьше, он бросил Лилиту. Круто повернувшись, Лилит отскочил ещё шага на два.

— Испугался? — сказал Айвам, разрезая навагу на части.— Ешь теперь.

Лилит подошёл к кусочку рыбы, настороженно понюхал её, не без робости лизнул и проглотил.

Рыба ловилась хорошо и без всякой наживы. Здесь навага шла большими косяками. Двойной крючок обязательно подцепит рыбку. Около Айвама образовалась уже небольшая кучка наваги. Луна спускалась во льды ниже и ниже. Мрачноватые тени, отбрасываемые торосами, удлинялись. Потускневшим диском луна почти уже касалась торосов. А рыбка ловилась всё лучше и лучше. Недалеко от лунки лежало много замёрзшей наваги. Лилит вволю наелся и теперь растянулся со вздутым животом на тюленьем мешке, изредка вяло открывая глаза. Казалось, что пёс не особенно доверял хозяину: не ушёл бы без него.

* * *

Луна зашла. Ярче вспыхнули звёзды. Далеко на берегу, на склоне горы, как звезда, светился огонёк. «Это школьная лампа»,— подумал Айвам. И, успокаивая себя, сказал:

— Ничего, Лилит. Немного темно — это ничего. Потом можно идти на школьную лампу.

Айваму очень захотелось притащить домой полный мешок наваги.

«Вот обрадуется Уакат! Она скажет, что Айвам стал настоящим охотником. Она и соседям расскажет: «Айвам наловил очень много рыбы». И учительнице можно принести. Ведь она тоже любит рыбку навагу»,— размышлял Айвам, продолжая ловлю.

Всё ярче и ярче горели звёзды. Торосы уже не блестели, тени исчезли, и зубчатая стена ледовых холмов казалась очертанием гористой местности на берегу.

Айвам заспешил домой, когда уже совсем стемнело. К нерпичьему мешку, набитому навагой, он крепко привязал моржовый ремень, чтобы удобнее было тянуть его по снегу.

— Ну вот, Лилит, — теперь пошли домой! — весело сказал Айвам.

Он взялся за ремень, перекинул его через плечо и легко потащил мешок волоком, как настоящий охотник, опираясь на пешню. Нерпичья кожа мешка ворсом назад скользила по снегу, и снег чуть-чуть поскрипывал. Айвам шёл довольно быстро, в приподнятом настроении.

Вдруг он остановился:

— Что такое? Почему потухла школьная лампа? Ведь так рано её никогда не тушили.

Айвам бросил ремень и быстро залез на ледяную глыбу. Ему стало вдруг жарко, пот выступил на лице. Он снял шапку и вытер лицо. Под ногами путался щенок.

— Подожди, Лилит, не мешай! — умоляюще сказал Айвам, беспокойно всматриваясь в сторону берега.

Света в школе не было.

В той стороне вырисовывались лишь смутные очертания не то берега, не то ледяных торосов, не то мрачных ночных облаков.

Айвам перебежал на другой, более высокий торос. Пристально вглядываясь, почти не переводя дыхание, он то приседал, то вытягивался во весь рост, становясь на носки. Лицо его побледнело.

Айвам долго искал глазами школьный огонёк. Наконец он высмотрел какой-то еле-еле мерцающий на земле свет. Этот свет был далеко в стороне, совсем не в том месте, где по предположению Айвама, было его селение. «А может быть, это звезда? Нет, так низко звёзды не спускаются...» Мозг пронизала жгучая мысль, что лёд оторвался и пошёл. Айвама охватил ужас. Невольно он открыл рот, чтобы крикнуть, но тут же закрыл его ладонью. Кричать было почему-то страшно. Он вспомнил, как его отец погиб во льдах. Не отрывая взгляда от огонька, Айвам стоял неподвижно, в каком-то забытьи. И когда опомнился, крикнул:

— Лилит, лёд оторвало!

Айвам скатился по склону тороса, упал, но, быстро вскочив, побежал. Он бежал так, как, может быть, никогда в жизни не бегал.

Лилит, высунув красный язычок, отстал. Айвам, не помня себя, в

полумраке, среди ледовых нагромождений, освещённых только звёздами, бежал и бежал, забыв о щенке. Наконец он вспомнил о нём, на берегу оглянулся и увидел, как Лилит, выбиваясь из сил, мчался за ним, словно сознавая всю серьёзность положения. Айвам остановился. Подскочил запыхавшийся Лилит. Айвам молча схватил его на руки и опять побежал. Стало жарко. Вдруг Айвам наткнулся на полоску воды вновь образовавшейся полыньи. Лёд дал здесь трещину. Она образовалась внезапно и чёрной змеёй, извиваясь и расширяясь, уходила очень далеко. Она казалась живой: ледовые берега её менялись на глазах, а кругом стояли спокойные торосы и ропаки, как молчаливые стражи в этой безлюдной ледяной пустыне. Мальчиком овладел страх. И, вспомнив старика, ловившего рыбу, он крикнул в пространство:

— На-а-а-алек!

Странно прозвучал его одинокий и ослабевший голос вдали от человека и жилых мест. Однако мальчиком постепенно стало овладевать спокойствие, и страх уступил местс сознанию необходимости что-то предпринять.

Айвам стоял на берегу полыньи, как на берегу чёрной речки, всё ещё не зная, что же делать. Он прижал к лицу тёплую морду щенка и прошептал ему в ухо:

— Лилит, не надо убегать от рыбки. И крючок там. Без еды мы скоро умрём.

И, уже больше не раздумывая, он побежал к тому месту, где оставил рыбу и снасти.

Мешок, наполненный навагой, лежал как распластавшаяся нерпа. Увидев его, Айвам обрадовался и сел на него верхом. Найдя мешок с рыбой, мальчик почувствовал себя так, как будто он вернулся домой. Он поглядел на знакомое место, где ловил рыбку. Лунка уже замёрзла, и её нужно было вновь долбить, но Айвам и не собирался ловить сейчас рыбку. Он сидел на мешке и думал. Вспомнились рассказы стариков о сжатии льдов, о том, как охотников отрывало на льдах от земли и как они вели себя там. Много рассказов промелькнуло в голове мальчика. Он встал и пошёл в глубь больших торосов.

Пробираясь среди наторошенного льда, он волоком тянул за собой мешок, зорко всматриваясь вперёд и оглядываясь по сторонам. Всюду были ледовые нагромождения — холмы и даже ущелья. От напряжения глаза уставали разглядывать.

Айвам остановился и посмотрел на небо, усеянное ясными звёздочками. Каждую звёздочку можно было рассмотреть в отдельности. И всё же кругом стоял таинственный полумрак. Торосы в этом полумраке казались совсем другими. Теперь они походили то на зверей, то на яранги, засыпанные снегом, то на мчащегося на нарте каюра. Стоять было страшно — лучше идти. И Айвам шёл. Он шёл и шёл, не останавливаясь. Куда шёл Айвам, он и сам не знал, лишь бы подальше от полыньи. Наконец его внимание привлекла огромная, как скала, ледяная глыба. Она стояла, как утёс.

Оставив мешок и посадив на него Лилита, он с пешнёй в руке обошёл ледяную глыбу кругом и в одном месте обнаружил в ней небольшую пещерку.

«Надо здесь укрыться»,— подумал Айвам. Вдруг под ногами он ощутил что-то живое и вздрогнул: это был Лилит.

— Вот и ярангу нашли. Если начнётся ветер, нам тут будет хорошо. Пойдём, Лилит, за мешком,— сказал Айвам.

Наступила ночь, и на просторе оставаться было страшновато. Айвам влез в пещерку и пешнёй стал расчищать неровности на полу, выбрасывая куски льда. В одной стороне было углубление, и мальчик сейчас же его использовал. Он высыпал туда из мешка навагу, а мешок расстелил на полу. Находившийся рядом сугроб навёл его на мысль сделать при входе в пещеру снежную стенку. Не теряя времени, он приступил к работе.

Айвам ловко вырезал пешнёй снежные кирпичи и закладывал ими вход. Работа подвигалась быстро. Оставив небольшой лаз, Айвам ползком забрался в пещеру и позвал Лилита. Он взял заранее приготовленный большой снежный кирпич и замуровал себя изнутри. В пещере наступил полный мрак.

Но здесь тьма не пугала. На расстоянии вытянутой руки кругом

были стены. Айвам достал мёрзлую рыбку и стал грызть её. Он сидел на нерпичьем мешке, Лилит — у него на коленях. Ощупью Айвам кормил и своего мохнатого друга. В тишине, ничем не нарушаемой, слышалось, как на челюстях Лилита хрустели косточки наваги. В пещерке становилось теплее, но спать не хотелось: мешали думы, разные думы. Думы перенесли его на берег, в селение.

«Наверно, старик Налек уже рассказал всем, что встретился со мной: и матери, и учительнице, и, конечно, дяде Тэнмао. О, дядя Тэнмао — великий человек на берегу! Он, как говорили о нём старики, помогает людям в море, как добрый дух! Когда спускается над землёй и над морем густой туман, его ревун-сирена на маяке слышна далеко-далеко. А в тёмную ночь он прожектором освещает море: пароходам показывает дорогу», — размышлял Айвам. Он достал ещё одну рыбку, переломил её пополам и, отдавая половинку Лилиту, сказал:

— Хватит, больше не дам. Рыбку надо беречь. «Хочешь жить — береги запасы», — так говорят опытные охотники.

Айвам вспомнил свою заботливую мать, уютную тёплую ярангу, горячий чай. Мальчику взгрустнулось. Хотелось пить. Айвам растоплял во рту снег, но он не утолял жажды. И тогда, вспомнив рассказы дяди Тэнмао, он решил сделать воду. Айвам плотно набил снегом кожаную рукавицу и засунул её под мышку. От рукавицы сначало стало немного холодно. Он взял в рот кусок наваги. Вдруг до его слуха донёсся звук, подобный рёву раненого белого медведя. У Айвама остановилось дыхание, в горле застрял кусок рыбы. Он со страхом подумал: «Не померещилось ли?»

Айвам насторожился и превратился в слух, сдерживая щенка, который тоже вдруг повёл себя беспокойно.

Здесь, в ледяной пещере, звук искажался, и ещё от неожиданности трудно было догадаться, что это такое.

Через короткий промежуток времени звук повторился, и Айвам узнал голос ревуна. Разрушив часть снежной стены, Айвам в один миг выскочил из пещеры. Встав на ноги, он усиленно заморгал, словно проверяя, хорошо ли видят глаза. То, что Айвам увидел, казалось

наваждением. В стороне под низким звёздным небом, обрезая верхушки зубчатых нагромождений льда, медленно двигался огромный луч света. Вращающийся прожектор маяка как бы ворвался во тьму ночи и, шаря по торосам, тушил звёзды. Луч света двигался то быстро, то медленно, то высоко поднимаясь к небу, то вдруг падал в зубчатые торосы и, казалось, разбивался на куски. Луч прожектора словно играл, как играют небесные огни северного сияния. Опять донеслись звуки ревуна.

«Как же так? Ведь с тех пор, как прошли последние корабли, дядя Тэнмао отдыхает. Давно перестал светить маяк, и не ревёт сирена. Зимой и маяк отдыхает».

Прожектор осветил мальчика, и Лилит отвернулся от света. На голубых торосах на мгновение заиграли переливы света. Зачарованный этим видением, Айвам ощутил радостное волнение. Не отрываясь, он сопровождал взглядом светлый луч и теперь ясно представил, как около машины, на маяке, стоит обеспокоенный одноглазый дядя Тэнмао и управляет прожектором. Пальцы без рукавицы замёрзли, но, не чувствуя холода, Айвам захлопал в ладоши и заплясал. Из-под мышки выпала рукавица и поползла по рёбрам. Мальчик выхватил рукавицу, выпил образовавшуюся в ней воду и крикнул:

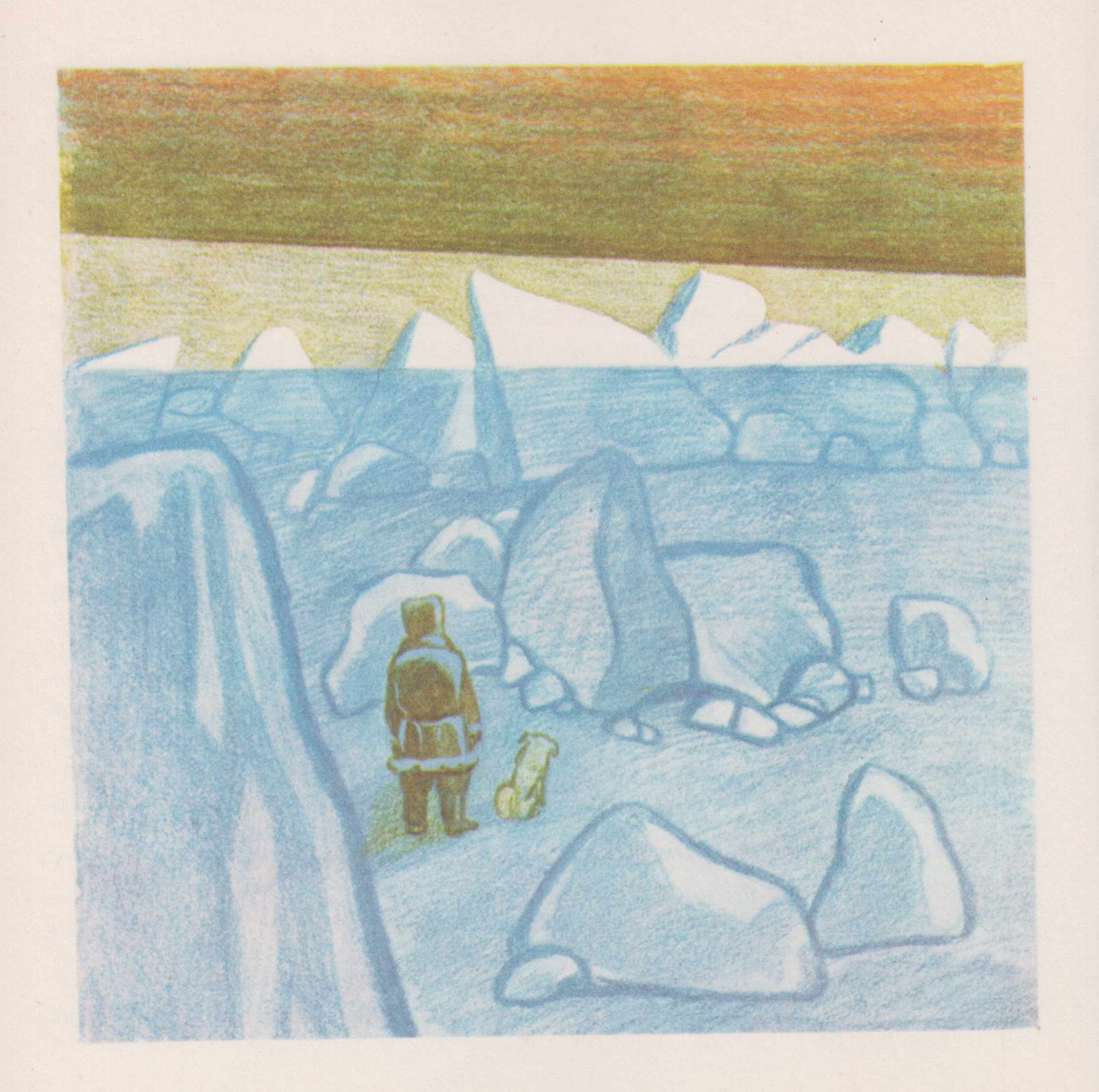
— Лилит, иди сюда! Нас ищет дядя Тэнмао!

Он вывернул рукавицу, повалил её в снег, отчего рукавица высохла. Затем схватил собачку на руки, продолжая притопывать. Нет, он не один! На том конце луча были люди, которые думали о нём, искали его. Айвам развязал пионерский галстук, прикрепил его к пешне и водрузил этот флаг над своим жильём.

— Вот, Лилит! Может быть, нас увидят издалека.

Но луч прожектора исчез. «Мотор перегрелся, давно не работал,— подумал Айвам.— Отдыхает мотор».

Уставший от работы и волнений, Айвам взглянул на пещеру, и сон вновь стал одолевать его. Глаза закрывались сами, и мальчик вполз в свою пещеру, опять заделал вход и сел на мешок, прижав Лилита к груди.

«Что он понимает, этот Лилит? Ведь его ещё ни разу не запрягали в нарту».

И хотя Айваму хотелось спать, но думы о прожекторе, о ревуне, о береге разгоняли сон. Наконец он задремал, уткнувшись лицом в собачью шерсть. Ночью Лилит завозился, стал вырываться из рук и рычать... Айвам проснулся.

— Что ты, Лилит?

Щенок лаял.

— Что ты, Лилит? — беспокойно спрашивал Айвам.— Или ты думаешь, нарта подъезжает?

Щенок не умолкал. Айвам вышел из пещеры — было темно, и пёс лаял. Вскоре луч прожектора вновь стал шарить по торосам.

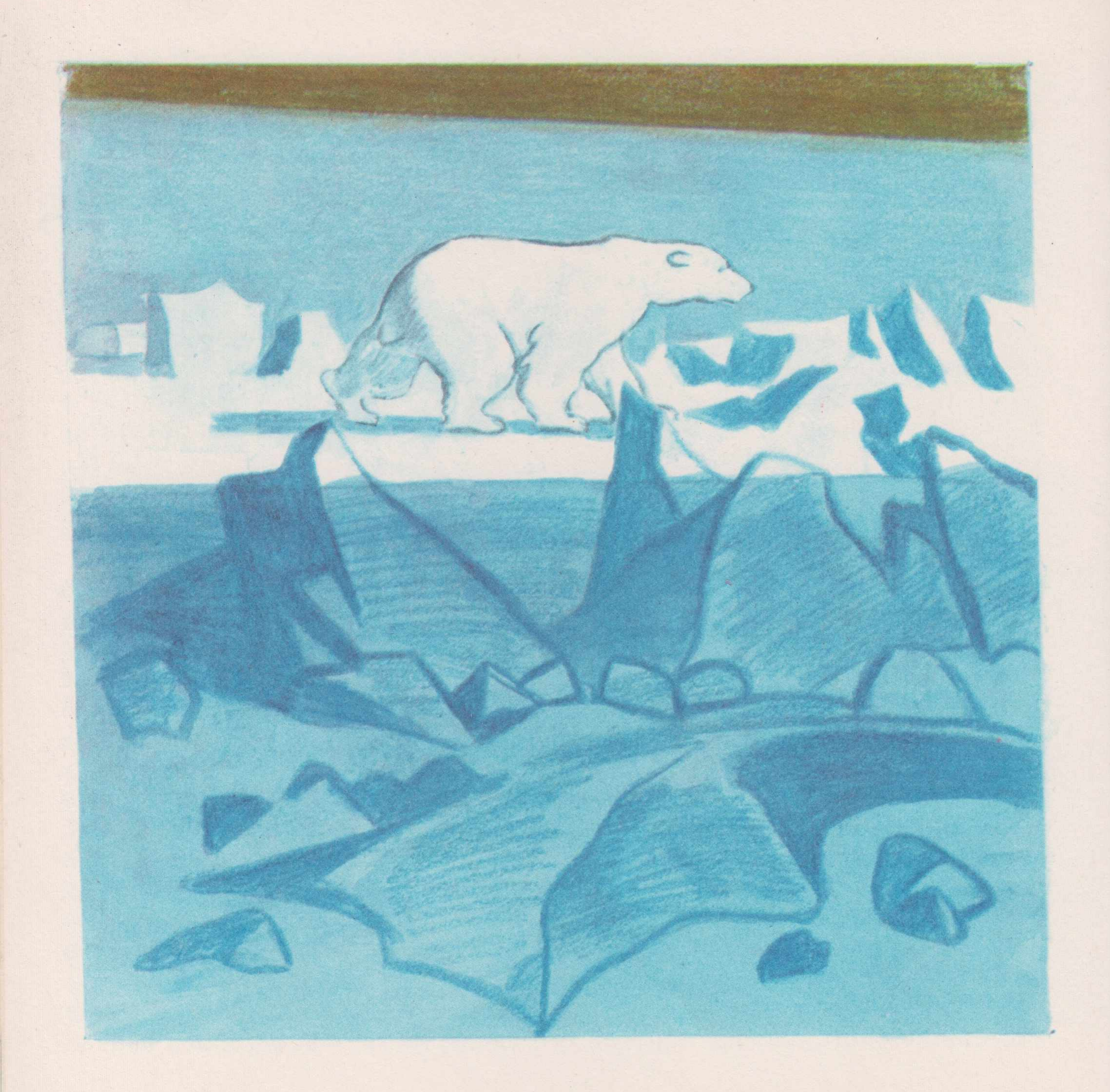
Всматриваясь в темноту ночи, Айвам заметил, как в стороне, шагах в двадцати, бежал кто-то огромный. Лилит тявкнул. Айвам схватил Лилита и, испугавшись, зажал морду щенка. И когда луч приблизился, Айвам ясно разглядел белого медведя. Мальчик затаил дыхание и крепче зажал морду глупого пса.

Луч света настиг медведя. Хозяин ледяных полей беспомощно оглянулся, заревел, замотал длинной шеей, взметнул мохнатыми передними лапами и рухнул на льдину.

Случилось невероятное, непостижимое для белого медведя. В этой спокойной, холодной, огромной ледяной пустыне появился особый враг, ослепляющий глаза. Медведь вскочил и в паническом бегстве, прислушиваясь к звукам ревуна, исчез в торосах.

Айвам знал, что белые медведи редко нападают на человека. Но здесь, в одиночестве, вдали от людей, он перепугался. Айвам видел, что сам медведь был насмерть напуган, и всё же он крепко держал в руке морду щенка. Лилит скулил и рвался на снег. Запах медведя будоражил собачий нюх. Айвам выдернул пешню с флагом — она ему нужна была как средство самозащиты — и опять залез в пещеру. Уже сидя на коленях у Айвама, Лилит успокоился.

— Ты храбрый, Лилит. Наверно, медведь подумал, что здесь живут настоящие охотники. Ты напугал его своим лаем,— вполголоса сказал

Айвам. Он помолчал немного и подумал: «А может быть, медведя гоняет по торосам дядя Тэнмао своим фонарём?»

Айвам закрыл глаза, улыбнулся, прижал щенка к себе и задремал.

* * *

Ночь прошла спокойно. Мрак в пещере исчез, и сквозь лёд и снежную стенку проникал слабый свет. Этот пробуждающийся полярный день и разбудил Айвама. Он вытащил из-под мышки рукавицу, не торопясь развязал её и медленно, словно желая продлить наслаждение, маленькими глотками стал пить настоящую, вкусную воду. Он даже не чувствовал, что она припахивает сыромятной кожей. Правда, воды было очень мало. Таких порций можно выпить сразу пять, даже десять, но и то хорошо. Снегом Айвам высушил рукавицу, выбил её о кончик торбаза, взял одну рыбку и вылез из пещеры.

Звёзды уже погасли, и по низкому небу поднималась луна, наступал северный день. Ледяная глыба, в которой провёл ночь Айвам, уходила ввысь огромным утёсом. С пешнёй в руке он полез по её пологому склону в надежде увидеть оттуда землю, берег. Но берега не было видно. В той стороне стелился густой туман; тяжёлый и влажный, похожий на лебяжий пух, он низко полз над землёй, закрыв собой и берег и даже сопки.

В другой стороне пробивался полуденный рассвет.

Солнце где-то за горизонтом, словно опасаясь холодных льдов, подкрадывалось и как будто не решалось выглянуть. И вдруг словно из океана, из толщи торосов вырвались огненно-красные лучи и зажгли край неба, как пожар в полярной ночи.

«Первый день солнца. Сегодня, даже сейчас, люди посёлка пошли на сопку встречать первые солнечные лучи. В селении праздник».— Айвам улыбнулся и сказал: — Как хорошо!

Кругом расстилались необозримые поля ломаного льда. И над всей этой суровой и величественной ледяной пустыней наступила убаюкивающая тишина. Никаких звуков. Айваму показалось, что он слышит

биение своего сердца. А вдали туман опускался всё ниже и ниже. Вскоре обнажились верхушки сопок. Казалось, что они оторвались от земли и, как огромные воздушные корабли какой-то особой, фантастической конструкции, плыли в небесном пространстве.

Туман расходился, но и первые, робкие лучи солнца, едва выглянув, тотчас же скрылись за зубчатой стеной торосов. Так на миг пробуждался здесь день.

Айвам всё разглядывал, стоял и размышлял:

«Наверно, люди захотят приехать за мной. Ведь теперь не старый закон, когда нельзя было спасать человека и гневить злых духов — «Келе»... Но полыньи, пожалуй, не пустят. А может быть, теперь их уже нет? Сомкнуло?»

Айвам забрался ещё выше и поставил флаг. Зашелестел кумач от воздушных потоков. Отсюда была видна площадка, покрытая молодым льдом. Эта площадка навела его на мысль половить рыбку: надо всё время пополнять запасы, тем более что косяки наваги могут уйти на целый месяц. Он быстро скатился по склону ледяной глыбы и в одно мгновение продолбил лунку. Склонившись над ней, Айвам опускал и порывисто дёргал свой крючок. Но вскоре он убедился, что рыбы здесь нет, и пошёл искать более счастливое место. Он шёл не торопясь, задумавшись. Всё-таки не очень весело находиться во льдах одному, и неизвестно, что будет ещё. Хорошо, что пёс здесь. Его неразлучный друг Лилит шёл вслед за ним. Три чёрные точки — глаза и кончик носа щенка — резко вырисовывались на заснеженной ледяной площадке. Здесь, во льдах, Лилит вычистился настолько хорошо, что напоминал настоящего белого пушистого песца.

И, глядя на Лилита, Айвам широко улыбнулся.

Вдруг он насторожился, смахнул шапку и, подставляя ухо, уловил какой-то непонятный звук. «Как далеко ушёл лёд, даже голос ревуна изменился и чуть-чуть слышен,— подумал мальчик.— Нет. Это не ревун... Монотонно и беспрерывно гудит». С затаённым дыханием, вытянув шею, Айвам замер. И чем больше он прислушивался, тем светлее становились его глаза. Такой голос бывает только у самолётов.

Айвам с проворностью песца вбежал на ближайший торос и увидел берег. Следов тумана уже не было. Айвам спокойно, не обнаруживая большого внутреннего волнения, водил глазами по небу с затаённой надеждой: а вдруг покажется самолёт! И в тот самый момент Айвам, как во сне, заметил в небе так хорошо знакомую чёрную точку. Сомнений не было — это самолёт. Вне себя от радости Айвам закричал:

— Самолёт, самолёт! Это самолёт! Я знаю.

Рокот самолёта становился всё слышнее и слышнее. Чёрная точка в небе увеличивалась. Айвам быстро вскарабкался на вершину тороса. Он поднял пешню с флагом и неистово стал ею размахивать. Мальчик стоял без шапки. Глаза его светились необыкновенной радостью и горели. Лилит, глядя на своего хозяина, скулил и вилял хвостом.

«А если не увидит?» — подумал Айвам, и испуг охватил его. В первый раз у него выкатилась слезинка. И Айвам сердито смахнул её рукавицей.

Самолёт шёл на него. Уже отчётливо слышался гул пропеллеров, а вскоре самолёт, развернувшись, пошёл на снижение и совсем низко пролетел с оглушительным рёвом над мальчиком.

Лётчик дал круг и покачал крыльями самолёта в знак того, что он обнаружил мальчика.

— Здравствуй, самолёт! — закричал Айвам.

Но самолёт пошёл дальше, на север.

«Наверно, место для посадки ищет...» — подумал Айвам и хотел было уже бежать в том направлении, как самолёт сделал крутой вираж и повернул обратно. Пролетая вторично над мальчиком, лётчик сбросил один за другим два тюка и, развернувшись, покачав ещё раз крыльями, на этот раз в знак прощания, взял курс на берег.

Задрав голову, Айвам молча провожал самолёт до тех пор, пока чёрная точка не исчезла в небе.

Спускались сумерки. Загорались одна за другой звёзды. Луна опускалась во льды.

Айвам только теперь, словно очнувшись, побежал к сброшенным тюкам. Он волоком потащил тюк к себе в пещеру. Ещё дотемна он

приволок и второй тюк. Айвам залез в пещеру, сел на мешок и, испытывая приятную усталось, снял шапку, вытер ею пот с лица. Голова почти касалась потолка. Немного отдохнув, мальчик загадочно сказал:

— Ну, теперь можно и посмотреть, что здесь такое. Лилит, где ты?

Айвам ощупал ножны. «Ай-я-яй, потерял нож!» Ножа действительно не оказалось. Искать его было уже поздно, да и темно, и он решил, несмотря на важность дела, поиски ножа отложить на завтра. Айвам особенно не беспокоился: он всё равно его найдёт, даже если выпадет глубокий снег.

На ощупь Айвам стал развязывать мешок. Долго он копался в темноте.

— Ого-го! Лилит. Вот тут сверху, кажется, прощупываются свечки. Да, да это свечки! И спички есть! — радостно выкрикнул он.

Пещера озарилась ярким светом стеариновой свечи. Свет был настолько ярок и непривычен, что Лилит заморгал глазами и сморщил нос. Айвам рассмеялся:

— Смотри, смотри, Лилит! Ведь это высовывается оленья шкура! А вот меховой спальный мешок! Сейчас на лёд мы расстелим шкуру, а на неё спальный мешок. Подожди, подожди, тут ещё что-то есть.— И Айвам быстро извлёк из спального мешка примус, завёрнутый в стружки, чайник и мочевой пузырь моржа с деревянной пробкой.

— Что бы это могло быть? Зачем он мне? Может быть, пресную воду прислали?

Айвам открыл пробку, понюхал — керосин, и невольно по лицу мальчика разлилась широкая улыбка: «Ах, какой лётчик! Он знает, что железная банка разобьётся».

— Лилит, ведь скоро мы с тобой будем пить настоящий горячий чай!.. А это зачем? Красная материя, как пионерский галстук, и как много её здесь!

Айвам сел на мех и уже торопливо стал распаковывать второй тюк. Он так увлёкся этим, что совсем забыл о своём одиночестве во льдах.

В этом мешке было продовольствие. Нетерпеливо разбирая его, Айвам вскрикнул:

— Письмо! Письмо! Письмо-о-о-о! Лилит!

Разорвав конверт, он с волнением начал читать:

«Айвам!

Будь героем! Не вздумай плакать! Я тебя обнаружил и завтра прилечу пораньше. Если будет пурга, тебе придётся подождать лётной погоды. Ты не бойся ничего, я тебя всё равно достану.

Айвам, ты поищи ровную площадку для самолёта — она рядом с тобой на юго-востоке. Измерь толщину льда. Если будет двадцать сантиметров, подними флаг. Я положил тебе кусок красной материи. Если будет меньше двадцати сантиметров, флаг не поднимай — самолёт провалится. Понял, в чём дело? Одним словом, моя жизнь в твоих руках. Если ты не хочешь, чтобы я погиб, выполняй задание точно. Вот и всё.

Твой друг лётчик Томилин».

— Друг! — сказал Айвам и улыбнулся.— Какой самолётный человек! Томилин — лётчик. Он прилетел к нам на школьный праздник. В гости к нашей учительнице. Это он хлопал меня по плечу и говорил: «Молодец, Айвам, хорошо ты исполнил танец белого медведя. Отлично».

«Да, я хорошо показал белую медведицу, которая шла к посёлку с двумя маленькими медвежатами. Они были ещё глупы и не знали, что заходить в посёлок опасно. Медведица забегала вперёд и давала другое направление своим детёнышкам, а медвежата были не только глупы, но вдобавок и непослушны. Это рассердило медведицу, и тогда она забежала вперёд и лапой наподдавала им. Одного, наиболее непослушного, она так ударила по заду, что тот оказался в воздухе и пролетел шагов пять. Вот так она их учила жизни и послушанию»,— вспоминал Айвам тот вечер встречи с лётчиком Томилиным.

Айвам подтянул к себе Лилита и опять стал читать письмо, но уже вслух. Лилит поднял мохнатую морду и как будто слушал. Айвам был

почти убеждён, что Лилит всё понимает. Письмо от начала до конца было прочитано несколько раз. Айваму нравилось читать. Наконец он бережно спрятал письмо за пазуху.

— Будем ужинать,— сказал он и взял банку консервов.

Мальчик снова вспомнил о ноже и вздохнул с чувством лёгкой досады. Банку можно разбить куском льда. Айвам сильно ударил по донышку банки. Кусок льда раскрошился, но и банка получила вмятину. Лилит в упор смотрел на Айвама.

— Фу, какой ты бестолковый, Лилит! Что же ты не подскажешь? Ведь пешнёй можно открыть банку.

Он достал пешню, осмотрел её острый металлический конец и покачал головой:

— Не надо, Лилит, открывать банку пешнёй. Можно затупить её. А ведь завтра нужно долбить лёд для друга-лётчика. Понимаешь?

В эту ночь Айвам и Лилит крепко спали в тёплом мешке. Временами слышался отдалённый звук ревуна. Это всё дядя Тэнмао даёт знать о себе. Лёд дрейфовал на север, всё дальше и дальше от жилых мест.

Айвам проснулся внезапно. Он быстро вскочил и вылез из пещеры. Небо было в звёздах, но над льдами стояла ночная тьма.

— Рано ещё. Но всё равно спать не будем. Будем караулить свет,— сказал Айвам.

И как только показались проблески света, Айвам взял кумач, пешню и с видом озабоченного взрослого охотника пошёл в торосы искать площадку, о которой писал лётчик. Это место оказалось невдалеке. Айвам шёл и пешнёй отмечал на торосах свой путь, чтобы не потерять место с пещерой. Там много оставалось всякого добра. Айвам залез на торос и оглядел его. Перед ним лежала ровная, чуть-чуть запорошённая снегом длинная дорожка.

— Ишь, какое место подыскал лётчик. Сверху он всё видит, как птица,— вырвалось у мальчика.

Айвам прошёлся по площадке, пробуя на ходу лёд ударом пешни. Лёд хорошо держал человека.

Несколько сильных ударов пешнёй, и в лунку хлынула вода. Айвам отколол кусок молодого льда и отошёл от лунки. Разглядывая толщину зеленоватой льдинки, Айвам задумался: «Сколько здесь сантиметров? Лилит, как узнать сантиметры? Ты знаешь, какая эта важная задача? Здесь ведь учительницы нет. Кто поправит ошибку?»

— Метр... сто сантиметров...— вспоминал он вслух.

Шапка сползла на затылок, лоб нахмурился, и от раздумья мальчика бросило в жар.

— Скорей надо думать, Айвам. Свет подходит. Сегодня солнце чуть-чуть подальше задержится,— торопил он себя.

Айвам вспомнил объяснения учительницы: «Вот спички. Длина спички — четыре сантиметра».

Айвам побежал в своё жилище, схватил коробочку спичек и, не задерживаясь, напрямик побежал через то место, где вчера упали тюки с самолёта. Здесь, недалеко от снежных вмятин, валялся нож. Айвам на ходу схватил его и примчался на снежную дорожку.

Мальчик очистил льдинку ножом, приставил к ней пешню, сделал на конце деревянного держака пешни зарубку. Для удобства он сел на лёд, пешню положил на колени и стал прикладывать спичку:

«Вот четыре... ещё четыре. Стало восемь. Ещё четыре... двенадцать. Ещё прибавить четыре... шестнадцать. Ой как правильно здесь надо считать! От этого счёта зависит жизнь лётчика,— подумал Айвам.— Четыре раза по четыре. Четырежды четыре — шестнадцать. Правильно...» — И Айвам свободно вздохнул. На пятую спичку места до зарубки не хватало. Совсем немного — меньше полспички. Сколько же будет всего сантиметров? Айвам подумал, тяжело вздохнул и сказал:

— Наверно, девятнадцать.

Он принялся измерять сначала. Но сколько ни измерял он — результат был тот же.

Айвам встал, воткнул пешню в снег и с грустью промолвил:

— Эх, Лилит, как мало не хватает.

Но Лилит даже не обернулся. Он был занят более важным делом: лапкой чесал за ухом.

Стало светло.

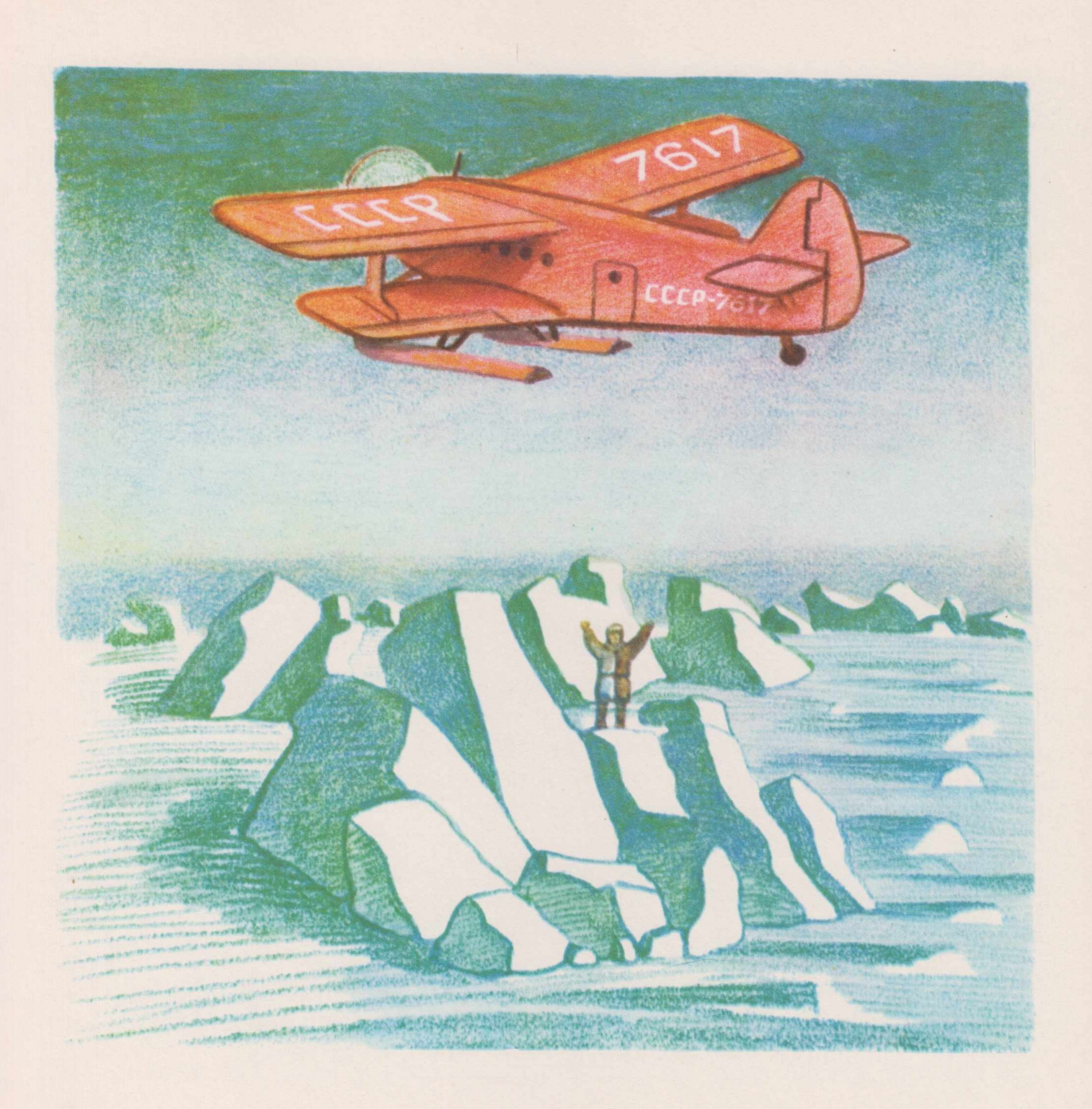
Айвам взглянул на кумач, на пешню. Не нужны они сегодня. Поднимать флаг нельзя. Он взял кумач, встряхнул его. Было тихо, морозно. Бесконечные ледовые поля простирались во все стороны. Прозрачный воздух как чистый-чистый лёд на озере. Воздух струился, а мороз щипал лицо. Вдали, далеко-далеко, виднелся берег. А ведь пешком не пойдёшь туда. Далеко — это ничего, но на пути обязательно попадётся открытая вода — и всё: дальше не пойдёшь.

Айвам долго стоял с кумачом в руке. Он оглядел широкое небо, молчаливые торосы, одинокие ропаки, и в этой тишине ещё грустнее стало ему. Странно: грустно от всего того, что он так любил. Море и лёд всегда тянули его. Теперь же все его мысли были на берегу. Грустно ещё и потому, что даже и ревуна не стало слышно. Как будто в этих голубых заснеженных льдах находился великий покойник и никто не смел нарушить здешнюю тишину.

Думы Айвама перенеслись в селение, в школу, туда, где со звонкими голосами бегут его товарищи на занятия. И так захотелось ему быть со всеми, что опять чуть не набежала слеза.

Он вспомнил мать, с которой они жили вдвоём. В тот вечер он не рассказал ей школьные новости. Она ведь так любит слушать их! Вспомнились рассказы её о том, как давно-давно ещё погиб во льдах его отец, хороший и сильный, ловкий охотник. Его так же оторвало на льдах от берега, и он пропал. В то время Айвам был ещё совсем маленький. Он даже не помнит своего отца. «Вот, должно быть, пропаду и я. Начнётся пурга, и самолёт потеряет меня, льды уйдут ещё дальше. Мать, наверное, плачет»,— подумал Айвам и явно ощутил, как слёзы подступили к горлу. С востока, из-за остроконечных льдин, брызнули длинные красные и тоже зубчатые лучи восходящего солнца. Вскоре показалось и солнце. Оно сегодня вышло на половину диска, раскалённое, как расплавленный металл, и почти бесформенное.

Айвам стал пристально всматриваться в эту половинку солнца и отвлёкся от горестных дум. «Хоть бы опять полетел надо мной самолёт». Не успел он подумать об этом, как вдруг на горизонте

СССР
7617
СССР-7617

заметил чёрную точку. Она казалась одинокой птицей в этих необозримых пространствах.

«Но что такое? Вон ещё точка показалась рядом с первой... Да это, пожалуй, и есть птицы. Но зачем птицам летать сюда зимой? Может быть, они летят на необитаемые острова?» Как напуганный заяц, Айвам вскочил на ледяную глыбу и до боли в глазах стал всматриваться в эти точки.

«Нет это не птицы... Это самолёты... Два. Зачем же два?»

Вскоре послышалась далёкая-далёкая песня моторов. Самолёты приближались. Гул моторов наполнил мощными звуками тишину, царившую во льдах. Один за другим, гуськом, подходили самолёты.

Айвам бросился бежать на площадку, но, вспомнив, что там нет двадцати сантиметров, остановился. Сердце учащённо забилось, когда самолёты пошли на снижение. Айвам, словно птица, уводящая охотника от своего гнезда, бросился на ближайший торос, чтобы не сбить самолёты с толку. Они низко и с яростным шумом прошли над мальчиком. Пряча кумач за спину, он замахал рукой в сторону берега. На втором круге самолёты стали набирать высоту. Айвам обрадовался и ещё энергичнее замахал руками. С облегчённым вздохом сказал:

— Ступайте к берегу!

Передний самолёт покачал крыльями и лёг на обратный курс. Второй же самолёт зашёл опять на круг и, совсем низко-низко опустившись, пролетел почти над головой мальчика. Лётчик успел даже высунуть из кабины голову и помахать рукой.

Айвам засиял от восторга. Он узнал лётчика. Это был Таграй — чукча, ученик русского лётчика Томилина. Теперь Таграй был известным полярным ледовым разведчиком. Ещё два круга сделал Таграй, и на последнем круге он что-то сбросил на лёд. Так же покачав крыльями и круто набрав высоту, Таграй пошёл к берегу.

— До свиданья, до свиданья, Таграй! — крикнул Айвам в небо. Ему захотелось помахать красной материей, но опять из боязни сбить с толку лётчиков, он воздержался. Айвам долго провожал глазами самолёт. Передний уже превратился в маленькую точку.

* * *

«А где Лилит?» — спохватился мальчик и громко стал звать щенка. Но щенка не было. Сильно обеспокоенный, Айвам бродил по торосам до поздней ночи. Он сорвал голос, разыскивая щенка. Исчезновение Лилита так расстроило мальчика, что его даже не интересовала очередная посылка с самолёта. «Наверно, Лилита напугал самолёт, и он убежал, а может быть, он сорвался в разводье», — со страхом подумал Айвам.

Мысль о гибели щенка навела такую тоску на мальчика, что он сам заблудился во льдах. Он долго кружил вокруг, далеко отходя от своей пещеры, и теперь сам утратил способность узнавать места. Льды всё-таки очень одинаковы. Бóльшего горя, чем потеря щенка, да ещё здесь, во льдах, мальчик никогда не испытывал. Хотелось плакать, но вместо этого он вновь громко стал звать щенка:

— Лилит, Ли-ли-иит! — кричал он что есть мочи.

Никто ему не ответил в этой ледяной пустыне. Мальчик сбился с пути и не знал куда идти. В ночном полумраке трудно было определиться, и он полез на торос. Он зорко всматривался, но вокруг всё сливалось, словно над льдами навис тяжёлый и мрачный туман. Айвам оглядел небо, усеянное звёздами, и стал искать Большую Медведицу.

«Вон ковшик, вон ручка. А когда я выходил из пещеры, видел только кончик ручки».

И мальчик раздумывал, решал: где же должна быть пещера? Он усиленно припоминал очертания прилегающих торосов и, вспомнив, как пешнёй на льдинах он делал пометки, пошёл их искать. И всё же Айвам не мог определить, где он находится. Страшно было думать, что предстоит провести ночь одному, без Лилита, и без тех вещей, которых так много было уже в пещере. И небо становилось мрачным, подул лёгкий ветерок, звёзды заволакивались, начиналась позёмка.

«А вдруг задует пурга?» — уже с испугом подумал Айвам.

Пометок на льдинах не попадалось, да и трудно стало их рассматривать. На лице у него выступил пот; он снял шапку, провёл ею

по лицу и пошёл на ветерок; снежинки уже бежали ему навстречу. Он шёл с шапкой в руке, с заиндевевшей головой, сам не зная, куда идёт.

«Надо, пожалуй, здесь переночевать, а завтра днём лучше искать пещеру. Ночью можно далеко уйти. А если подует пурга, день будет тоже как ночью». И Айвам инстинктивно шагнул вперёд, навстречу ветру. Он только хотел надеть шапку, как услышал лай щенка. Но щенок тявкнул и замолчал.

«А может быть, померещилось?» — подумал мальчик и, остановившись, подставлял под ветер то одно, то другое ухо. В торосах шумел ветер, и больше никаких звуков.

Айвам пошёл на ветер, теперь ещё более убеждённый в правильности пути, так как если действительно тявкнул Лилит, то этот звук мог донести только ветер.

Мальчик остановился и громко стал звать Лилита. Он горестно почесал затылок и снова вспомнил погибшего во льдах отца. Вдруг он опять услышал лай, теперь уже не отрывистый, а беспрерывный. Мальчик бросился бежать на зов щенка. Он бежал быстро, так же как и тогда, когда обнаружил, что льдина его оторвалась. Лай становился всё слышнее и слышнее. Наконец Айвам узнал знакомую льдину. Вот по этому склону её он забирался наверх махать рукой самолёту. Он остановился, ощупал ступеньку, сделанную пешнёй, улыбнулся, из глаз выступили слёзы радости, и он, согнувшись, погладил голой рукой ледяную ступеньку. И хотя лай щенка прекратился, Айвам уже знал, где он находится. Он надел шапку и уверенно, не спеша, пошёл к месту, где упал мешок с самолёта. Он лежал теперь по пути к пещере, и Айвам оказался около него. Отсюда рукой подать до пещеры.

Едва он подошёл к ней как кубарем из неё выкатился Лилит. В зубах у него была рыбка. Пёс выронил рыбку и бросился на руки к Айваму. Друзья вновь оказались вместе, и теперь им не страшна никакая пурга.

В ледяном домике был настоящий праздник. В сброшенной посылке были палатка, ружьё, патроны, книжка, нож для открывания консервов, вызвавший улыбку на лице мальчика.

— О, Лилит! Смотри, какой Таграй! Он хорошо знает, что нам нужно.

В мешке лежали новые торбаза, две пары меховых чулок, меховые штаны и совсем новенькие рукавицы. Кроме того, два больших куска моржового и тюленьего мяса.

— И опять письмо!

Письму Айвам обрадовался больше всего. Ему казалось, что он долго-долго не разговаривал с людьми. А письмо как человек. С ним можно разговаривать. Ведь Лилит умеет только слушать, а сам не говорит. Айвам вскрыл конверт и бережно вытащил листок.

«Айвам!

Вчера к нам в авиаотряд прибыл дядя Тэнмао. Он сказал: если мальчика не удастся взять со льда, сбросьте ему эту посылку. В ней нужные человеку вещи. Я взялся за это поручение и тоже прилетел выручать тебя, но, как видишь, ты сегодня не принял нас. Должен тебе прямо сказать, что прогноз на завтра плохой. Возможно, будет пурга. Но ты не огорчайся. Ничего не бойся. Будь настоящим мужчиной. У тебя теперь есть всё необходимое на много дней. С ружьём и с запасом патронов можно дрейфовать на льдинах хоть до весны. А за это время будет и отличная погода. Мы обязательно тебя выручим. Приветствую тебя и все тебя приветствуют, потому что, по нашим наблюдениям, ты ведёшь себя совсем не плохо.

Таграй».

— Вот видишь, Лилит! Ты смотри у меня! Не вздумай плакать,— сказал Айвам и стал накачивать примус.

Примус с шумом вспыхнул. Как приятно было смотреть на его синие огоньки!

— Стружки надо положить подальше: загорятся. Это вчера лётчик Томилин столько их положил.

И когда Айвам стал их собирать, он раскрыл рот от удивления. В стружках лежал точь-в-точь такой же, как и у его учительницы, клеёнчатый метр. Он схватил его и быстро приложил кончик метра к пешне до зарубки.

— Что такое?!

Айвам протёр глаза и снова посмотрел. Толщина льда равнялась двадцати одному сантиметру. Ведь самолёт мог садиться!

Горел примус. С потолка пещеры падали тяжёлые капли. Чайник, набитый снегом, так и стоял в углу. Айвам вяло держал в руках метр. Слышно было, как в торосах гулял ветер, с шумом проносясь мимо ледовой пещерки.

К ночи поднялась пурга. Как ревун, завыл ветер в ущельях ледовых полей. Жутко стало во льдах. Даже звери прячутся в такую непогодь. Вой пурги глухо отдавался в ледяном домике.

— Мы совсем не будем выходить, Лилит,— сказал Айвам упавшим голосом.— Можно потерять наш домик. Мы будем сидеть здесь до конца пурги.

Он глубоко вздохнул: думы о двадцати одном сантиметре не выходили из головы.

«Этот ветер может испортить самолётную площадку».

В пещере не было холодно. Ветер не проникал сюда сквозь толстые ледовые стены. За последнее время Айвам углубил пещеру и сделал её просторнее. Ледяная глыба, напоминавшая многолетний айсберг, была такой величины, что в ней можно выдолбить место для десятка больших яранг. В пещере было уютно. Сложенная вчетверо палатка служила полом. На ней разостлана оленья шкура, на шкуре — спальный мешок. Ярко горела стеариновая свеча. Шумел примус, и крышка чайника уже начинала танцевать.

В углу, при входе, как это и полагалось в настоящей яранге, стояло заряженное ружьё. На мешке с навагой, лежал рыболовный крючок.

Айвам разулся, снял меховые штаны и оделся во всё новое. Напившись чаю, он залез в мешок. Спать не хотелось. Он придвинул свечу и взял книжку «Детские и школьные годы Ильича». Айвам просмотрел картинки. Вот мальчик Володя Ульянов. Айвам внимательно разглядывал его лицо, пуговицы на мундире, других взрослых людей, нарисованных здесь же. У всех была какая-то особая одежда. Здесь, на Севере, он не видел у русских такой одежды.

Айвам только что начал читать книжку, как в мешке завозился Лилит. Показалась его морда. Наверно, душно ему стало.

— Лилит! А хорошо сделал Таграй: привёз нам книжку. С тобой не поговоришь, как с книжкой. С книжкой можно долго говорить, она многое рассказывает.

Айвам засмеялся, потрепал морду Лилита и впихнул его в мешок:

— Не мешай мне... читать.

Долго читал Айвам. Глухо выла пурга. С книжкой мальчик и уснул. Свеча догорела и сама потухла.

Выл ветер, лёд скрежетал. Пурга усиливалась. Айвам проснулся от духоты. Он высунул голову из спального мешка и в темноте с открытыми глазами стал прислушиваться к завыванию пурги. «Хорошо, что ветер дует вдоль снежной стены, а то занесёт, долго не вылезешь»,— подумал мальчик. Спать не хотелось. Айвам сбился совсем — он не знал сейчас: наступило утро или всё ещё была ночь? Надо выглянуть из пещеры, посмотреть. Но не хотелось ломать так хорошо заделанную дверь. Однако интерес был настолько велик, что Айвам встал, зажёг свечу и с ножом в руке подошёл к снежной двери. Он просверлил в снегу дыру и заглянул в неё. Было темно, но всё же он ощутил, как снег вихрем проносился вдоль стены ледяной глыбы. Он просунул туда руку без рукавицы, и острые снежинки больно закололи обнажённую кожу руки.

Айвам забил снегом дыру и сел в раздумье. Надо что-нибудь делать, если не хочется спать. Он достал кусок моржового мяса и, отбивая ножом мёрзлые кусочки, стал есть его. Сытное мясо! Моржового мяса поешь — никакой мороз не возьмёт. От него приходит тепло. Айвам обглодал кость и бросил её Лилиту.

— Теперь хорошо бы попить чаю,— сказал он и тут же взялся за примус.

Чай скоро был готов. От горячего чая тепло разлилось по всему телу. И опять Айвам не знал: завтрак был это, или обед, или ужин? Кто тут разберётся, в этой кромешной пурге.

Взглянув на свечу, стоящую на куске льда, Айвам вспомнил о

подсвечнике, который он видел в квартире учительницы. Айвам решил сделать такой же изо льда. Он ведь большой мастер вырезать фигурки из моржовых бивней! Айвам отколол нужный кусок льда и с усердием принялся за работу. Постепенно из бесформенной массы кусок льда стал превращаться в подсвечник. Склонившись над ним, Айвам ножом вытачивал его. Изредка на вытянутой руке он отводил его в сторону, любовался, помечал недоделки и вновь принимался шлифовать кончиком ножа. Это была кропотливая работа, тем более что Айвам работал в рукавицах.

И наконец подсвечник был готов. Айвам взял новую свечу и стал её вставлять. Подсвечник раскололся пополам.

«Ну, это ничего, я склею его водой, хотя воду жалко тратить на это,— подумал он.— Я сделаю другой, ещё лучше». И тут же принялся за работу.

Айвам привык всегда что-нибудь делать.

Прошло много времени, и на ящике из-под консервов был установлен красивый подсвечник. Даже свеча горела в нём светлее.

— Вот, Лилит, и подсвечник готов,— с чувством удовлетворения сказал Айвам.— Смотри, теперь не ползай здесь: разобьёшь.

С величайшей предосторожностью мальчик влез в мешок, взял книжку. Свеча горела хорошо. В этот раз он дочитал книгу и стал читать сначала. Но вскоре глаза устали, и он положил книжку под голову.

«Вот интересно... Ленин тоже был мальчиком»,— подумал Айвам. И это так не вязалось с рассказами учительницы о Большом Ленине.

Айвам опять вспомнил школу, танцы, игры, песни, где весело, где каждый день узнаёшь от учительницы новости. С этими думами Айвам и уснул. Но вскоре его разбудил щенок. Лилит совался мордой ему под мышку. Айвам чиркнул спичку, ища свечу. Около ящика вместо подсвечника лежали лишь мелкие кусочки льда.

«Больше не буду делать такой красивый».

Айвам прислушался: пурга билась и металась в торосах. Она налетала как шквал, то выла, как стая голодных волков, или стонала, как раненый зверь. И вдруг среди этого воя и стона пурги ясно

послышался треск льдов, напоминающий ружейные выстрелы. Айвам скатился с мехового мешка на лёд и, приложив к нему ухо, затаив дыхание стал слушать. И казалось ему, что море глухо шумело, будто оно стремилось вырваться из ледовых тисков на простор.

Айвам вскочил и стал торопливо собирать вещи и продукты в спальный мешок. Льдина была крепкая, но и крепкие льдины ломаются. Может быть, придётся уходить отсюда. Спать теперь уже нельзя. С волнением он сел на мешок. Не хотелось ни читать книжку, ни разговаривать с Лилитом. Он сидел, взволнованный, и чутко прислушивался к завыванию пурги и выстрелам ломающихся льдов.

Вспомнилась чистая, тёплая, безопасная яранга на берегу, мать Уакат. Айвам хорошо знает, как любит она его. Теперь, в эту пургу, она ведь не спит, думает о нём и, может быть, потихоньку плачет, пряча слёзы. «Но, наверно, лётчики передали ей, что я живой, что у меня всё есть... Только бы льдина не сломалась!»

Разные мысли путались в голове, но сон брал своё. Мальчик засыпал и валился на спальный мешок, но тотчас же вскакивал и опять садился на прежнее место. Так, борясь со сном, он держал себя настороже и в постоянной готовности уйти на другое место.

— Не надо спать,— потихоньку сказал мальчик и услышал, как Лилит во сне вздохнул. Казалось, что это был вздох человека.

Пурга бушевала три дня. Когда она угомонилась, Айвам вылез из своего домика. Кругом было почти всё по-старому. Лишь в стороне, на востоке, образовались громадные горы льдов, которых до пурги не было. Должно быть, произошло большое торошение.

Айвам вновь водрузил флаг над своим ледяным домиком и побежал к самолётной дорожке. Как он и предполагал, её уже не было.

«Где теперь сядет самолёт? Некуда сесть ему!» — с отчаянием подумал он и, понурив голову, пошёл к себе.

Было уже достаточно светло, а вскоре показалось всё солнце — раскалённый громадный оранжево-красный шар. Айвам засмотрелся на солнце. Не успел он наглядеться на него, как в небе показался

самолёт. Он быстро приближался и летел прямо на развевающийся красный флаг. И как только самолёт поравнялся с ним, Айвам снял флаг. Самолёт дал несколько кругов и ушёл на северо-восток. Там, вдали, он сделал большой круг и улетел ещё дальше. Через часа два самолёт вернулся. Он низко прошумел, как вихрь, над головой Айвама, сбросил посылку, набрал высоту и, озорно покачав крыльями, ушёл к берегу. Вскоре гул моторов умолк, прекратилась самолётная песня. И наступила такая тишина, что хотелось плакать. Распечатав посылку, Айвам прежде всего взял письмо. Мальчик не сразу разорвал конверт. Письмо было от212Таграя.

«Айвам!

Я облетал всё вокруг тебя, но нигде поблизости не обнаружил места посадки. Ближайшая площадка, где, по-моему, можно сесть, находится в пятидесяти километрах отсюда на юго-восток. Но ты туда не дойдёшь и со льдов не найдёшь её. Километрах в пяти от тебя на запад есть маленькая полынья. По-видимому, она образовалась недавно, я видел, как плавала в ней нерпа. Сейчас сильные морозы, и она скоро замёрзнет, но она так мала, что сесть там будет невозможно. Будь умником, так как придётся ждать новой передвижки льдов и образования новых полыней. Снабдить тебя всем необходимым мы сможем всегда. Поставь напостоянно большой флаг, чтобы легче было тебя разыскивать. Возможно, обыкновенный самолёт не сможет здесь произвести посадку. Привет.

Таграй».

Айвам положил письмо за пазуху, взял ружьё и пошёл смотреть полынью, в которой плавала нерпа. Мысль о том, что можно поохотиться, отвлекла от горестных раздумий. Он решил посмотреть нерпу.

Как озеро с ледовыми берегами, показалась полынья. На середине её действительно плавала нерпа, и не одна. У Айвама загорелись глаза. Он торопливо вскинул ружьё и дал выстрел. Громовым эхом пронёсся он по ледовым полям и угас там, где только что скрылось солнце. Нерпа взмахнула ластами и исчезла в пучине моря. Но вскоре

она всплыла и осталась лежать на поверхности воды. Охота оказалась удачной, он убил ещё двух нерп.

Айвам потёр щёку рукавицей в знак того, что достать нерп было нечем.

— Ничего, замёрзнет вода, и тогда возьму их.

Лишь через двое суток Айвам вырубил изо льда нерп и приволок их в пещеру. О, это был большой запас пищи! Можно долго плавать на льдах. И всё же грустно было ему. Ледяной домик надоел. Айвам постоял немного, посмотрел на вспыхивающие звёзды, на голубые полосы льдин, с которых сдут снег, и, чтобы чем-нибудь нарушить гнетущую тишину и одиночество, не пожалел двух патронов и выстрелил в небо два раза. Если бы узнал сейчас про это дядя Тэнмао, он заругал бы его за эти два патрона. За день Айвам так утомился, что, напившись чаю и отказавшись от еды, юркнул в спальный мешок и так крепко заснул, как никогда не спал.

* * *

Ранним утром весной 195... года с московского аэродрома снялись один за другим самолёты под управлением лучших пилотов страны.

Подмосковье уже покрылось весенней зеленью, и капли утренней росы поблёскивали, как жемчужины.

Армада воздушных кораблей легла на курс «Москва — Северный полюс» для организации в высоких широтах дрейфующих станций по изучению центрального бассейна Ледовитого океана.

Это были тяжёлые транспортные самолёты, заполненные всевозможными грузами: специально приготовленным экспедиционным продовольствием, разборными домиками, палатками, грузовиками и легковыми машинами, тракторами и вездеходами. Экспедиции были приданы и вертолёты.

Высокоширотную экспедицию возглавлял известный полярный деятель вице-адмирал Бахарев — человек с многолетним опытом и знанием суровой Арктики.

На борту флагманского самолёта вместе с Бахаревым находились лучшие советские полярники. Это были суровые, но сердечные люди, не один раз зимовавшие на полярных станциях, принимавшие участие в различных северных экспедициях.

Здесь были гидрологи, аэрологи, магнитологи, метеорологи, опытные радисты и учёные из Академии Наук СССР. Шестьдесят восемь отважных исследователей, которых страна вооружила современной высокой техникой и снабдила всем необходимым.

Через несколько часов далеко позади остался зелёный ковёр Подмосковья, и самолёты шли над тундрой, всё ещё кое-где закрытой белоснежной пеленой, над морскими заливами, закованными тяжёлыми, паковыми льдами. Здесь, над белоснежным покровом льдов, солнце светило уже почти круглые сутки. Оно слепило глаза и всюду отражало длинные-длинные лучи.

Флагманский самолёт углубился в океан для попутной и предварительной разведки льдов. Под крылом самолёта хаотически нагромождённые торосы, как будто здесь недавно произошло землетрясение. Бесконечные ледовые поля глазом не окинешь даже с высоты!

Но вот самолёт вышел на разводье с синей-синей окраской воды. Окраска меняется по мере продвижения вперёд. Вода вдруг становится то иссиня-чёрной, то голубовато-зелёной, то серой, то покажется поразительно ярко-бирюзовым мерцающий цвет её. Это небо окрашивает воду во всевозможные цвета. Окраска зависит и от того, под каким облаком проходит самолёт, какой плотности облако.

В широком арктическом небе бродит, как хозяин, почти не заходящее солнце. В воздухе штиль, и эта тишина будто заглушает гул моторов, и на миг громадный самолёт как бы остановился и повис в воздушном пространстве.

Гидрологи произвели разведку, и самолёт взял курс на радиоцентр мыса Северного, где перед полётом в центральный бассейн Арктики была намечена остановка.

Всё внимание береговых полярных станций в эти дни было привлечено к высокоширотной экспедиции. Знал о ней и смотритель маяка

дядя Тэнмао. Он особенно следил за подготовкой этой экспедиции. Интерес у него был не праздный, и радист местной полярной станции охотно ему рассказывал о ней.

В это время дяде Тэнмао пришла мысль: а хорошо бы встретиться с адмиралом и поговорить о мальчике! Ведь Айвам вот уже несколько месяцев плавает на дрейфующей льдине. Конечно, у Айвама всё есть. С рыболовным крючком, с ружьём, с необходимым запасом одежды можно плавать и дольше. А кроме того, он же не один, Таграй утверждает, что видел щенка, который бегал за ним. И всё же мальчика ведь надо спасать! В самом деле, сейчас же не старый шаманский закон, когда нельзя было спасать человека!

Тэнмао твёрдо решил, что в этом деле адмирал очень может помочь. Но как с ним встретиться — вот задача! До радиоцентра, где адмирал остановится, самое меньшее два дня езды на хороших собаках. Самолёты же ближайшего авиаотряда и Таграй ушли на ледовую разведку по обслуживанию высокоширотной экспедиции. Тэнмао сидел у матери Айвама и делился с ней своими планами.

— Уакат,— говорил он ей,— адмирал ведь знает меня. Ты помнишь, когда я пришёл к нему в прошлом году на ледокол и сказал, что мне для маяка нужен новый мотор, он тут же велел дать его, а мне сказал: «Молодец, Тэнмао, так и нужно заботиться о своём маяке». Ты думаешь, почему он так сказал? Потому что я знал, как с ним разговаривать. А теперь разве не найдётся у меня сильных слов, чтобы поговорить о мальчике? Конечно, найдётся! Есть они у меня. Я решил поехать к нему. Я соберу упряжку из лучших собак селения. Кто же мне откажет в собаках, раз такое важное дело?

— А может быть, и мне поехать с тобой? — робко спросила Уакат.— Я прихвачу с собой ту черно-бурую лисицу, которую храню много лет, и отдам ему. Когда он увидит её, он обязательно захочет помочь нашему мальчику. Это же очень редкая шкурка.

— Отец Айвама — твой муж и мой брат,— когда ещё был жив, сказал: этого редкого зверя продавать нельзя, пока не вырастет Айвам. Ведь может случиться, что он поедет на Большую Землю.

Видишь, как много молодых людей едут учиться в Ленинград! Вот тогда за чернобурку ему можно будет купить пиджак и матерчатое пальто. Ты забыла об этом разговоре твоего покойного мужа?

— Нет, Тэнмао, не забыла...— И, помолчав, сказала: — А если Айвам пропадёт во льдах, как пропал его отец, кому тогда покупать пальто? А?

Тэнмао был разумным человеком: он молча согласился, молча выпил большую кружку чаю, поставил осторожно её на стол, провёл рукой по отсутствующему глазу и сказал:

— Уакат, шхуну из кости, которую вырезал много лет и вчера закончил, я тоже подарю адмиралу. Это очень хорошая шхуна. Я делал её по рисунку своего дяди, который плавал на такой шхуне. Это шхуна Амундсена — «Мод». Мой дядя, когда плавал на ней и когда ему нечего было делать, срисовал её красящим камнем на оленьей ровдуге[1]. Он нарисовал её очень хорошо и спрятал себе в сундучок. После его смерти я нашёл эту шкурку и, когда увидел рисунок, решил сделать этот кораблик из кости. Правда, Уакат, это будет хороший подарок адмиралу?..

... Гостиница в радиоцентре, где остановился вице-адмирал Бахарев, была превосходной. Двухэтажное каменное здание, построенное из местных материалов.

Вице-адмирал сидел в кабинете и просматривал нанесённые на карты пути дрейфов различных экспедиций, начиная с Нансена, Амундсена и кончая «Челюскиным». Разноцветные линии «петляли» на карте, и Бахарев что-то записывал себе в блокнот. Затем он встал, прошёлся по кабинету, подошёл к окну. Со второго этажа хорошо было видно, что наступила полярная весна.

Вошёл начальник радиоцентра.

— Смотрите, Михаил Михайлович, какой превосходный вид из этого окна, какая перспектива!.. А вон смотрите, смотрите, как несётся упряжка собак! Прямо со скоростью самолёта «У-2».

---

[1] Оленья ровдуга — шкура оленя, выделанная с обеих сторон.

— Это какая-то дальняя. У нас нет таких собак. По весеннему насту собаки быстро бегут, легко.

— Поразительная всё-таки скорость,— удивлялся вице-адмирал.— А говорили, что мотор в Арктике съел сердце собаки. Глядите, как они мчатся.

Скоро Бахареву доложили, что его хочет видеть смотритель маяка Тэнмао, который только что подъехал на собаках.

Тэнмао вошёл и немного смутился, увидев богатую обстановку номера «люкс»: такой ему ещё не доводилось встречать. Прячась за его спину, стояла Уакат.

— Здравствуй, Тэнмао! — идя ему навстречу и протягивая руку, сказал Бахарев.— Что за срочное дело привело тебя сюда? Не мотор ли испортился, который ты получил в прошлом году?

— Нет, товарищ адмирал, мотор работает хорошо. Дело другое есть, важное дело.

— Ну, садитесь, садитесь,— жестом пригласил он их на диван.

Тэнмао стал распаковывать шхуну, завёрнутую в оленью ровдугу.

Передавая шхуну вице-адмиралу, он сказал:

— Я привёз её вам. Много лет работал над ней. Вот по этому рисунку.— И Тэнмао рассказал ему историю этой шхуны.

— Михаил Михайлович, да ведь это действительно шхуна Амундсена «Мод»! И как отлично сделана! Она до того точна, что может служить учебной моделью! А рисунок чего стоит! Это отличные музейные экспонаты... Молодец, Тэнмао! Я возьму у тебя эти вещи и хорошо тебе заплачу.

Тэнмао сидел и наслаждался восторгом адмирала, но тут он встал и сказал:

— Платы не надо. Это подарок... Мальчик у нас во льдах. Надо помочь ему...

— Это твой мальчик? Я слышал о нём.

— Мой племянник и вот её сын.— И Тэнмао поманил Уакат рукой.

Она встала с приготовленной чернобуркой и пошла к вице-адмиралу.

— А это что такое? — спросил он.

— Подарок, — тихо сказала Уакат. — Мальчику надо помочь. Четвёртый месяц пошёл, как он живёт во льдах. Спасибо самолётам: пищу, одежду ему сбросили, а то давно пропал бы, как пропал раньше его отец.

— Ну, Тэнмао, — развёл руками вице-адмирал, — это уже совсем нехорошо. Мне никаких подарков не нужно. Спасти мальчика — это наш долг. И мы его спасём. А чернобурку заберите обратно, она вам может пригодиться самим.

— Мой брат, её муж, действительно не велел продавать шкурку, пока мальчик не вырастет. Это вот Уакат захотела.

— Вот видишь, Тэнмао, а вы привезли эту шкурку в подарок! А мне ещё говорили, что ты в политкружке занимаешься! Это же пережитки капитализма, — смеясь, сказал вице-адмирал. — Ты что, не знаешь, что такое долг советских людей? Ай-я-яй, Тэнмао! Ну ладно. Эту шхуну и рисунок я возьму для музея. За работу тебе заплатят очень хорошо... Михаил Михайлович, попросите ко мне командира местного авиаотряда.

Лётчик незамедлительно явился с картой в руках.

— Товарищ вице-адмирал, — сказал он, — я догадался, с какой миссией явился к вам смотритель маяка Тэнмао. По поводу мальчика?

— Да, да. Вам известны все обстоятельства этого дела?

— Очень хорошо. Мальчик всё время под наблюдением авиаотряда.

— Координаты его известны?

— Вот, пожалуйста, все координаты с момента дрейфа «лагеря мальчика», как он у нас значится. К сожалению, по ледовым условиям мы его не могли снять. Он находится в полосе торосистых льдов, уходящих во все стороны на десятки километров.

Адмирал внимательно разглядывал карту.

— Товарищ вице-адмирал, наши научные работники интересуются «лагерем мальчика» и с точки зрения науки. Они говорят, что он повторяет через двадцать лет дрейф «Челюскина».

— Это очень любопытно, — сказал Бахарев.

— Мы ведём за ним наблюдение всё время. Работники станции, чтобы чем-нибудь его занять на льдине, сбросили ему термометры, подробные инструкции, компас, часы — всё как полагается, даже метеобудку.

— Позвольте,— усмехнулся вице-адмирал,— он же превосходит наши мероприятия по дрейфующим станциям.

— Только мы не знаем, ведёт он наблюдения или нет. Но лётчик Таграй, поддерживающий до сего времени связь с ним, утверждает, что он будто бы видел установленную во льдах метеобудку.

— Серьёзно?..— удивился вице-адмирал.— Пригласите мне командира нашей экспедиции и главного штурмана.

И когда они явились, он спросил:

— Какая готовность?

— Всё в порядке. Воздушные корабли в полной готовности.

— Иван Иванович, неожиданно всплыло ещё одно дело,— сказал Бахарев.— Мальчика нужно снять с дрейфующих льдов. Только он в стороне от курса. Вот посмотрите карту. Я попрошу главного штурмана определить, какое отклонение от нашего курса.

Штурман посчитал и сказал:

— Километров семьсот.

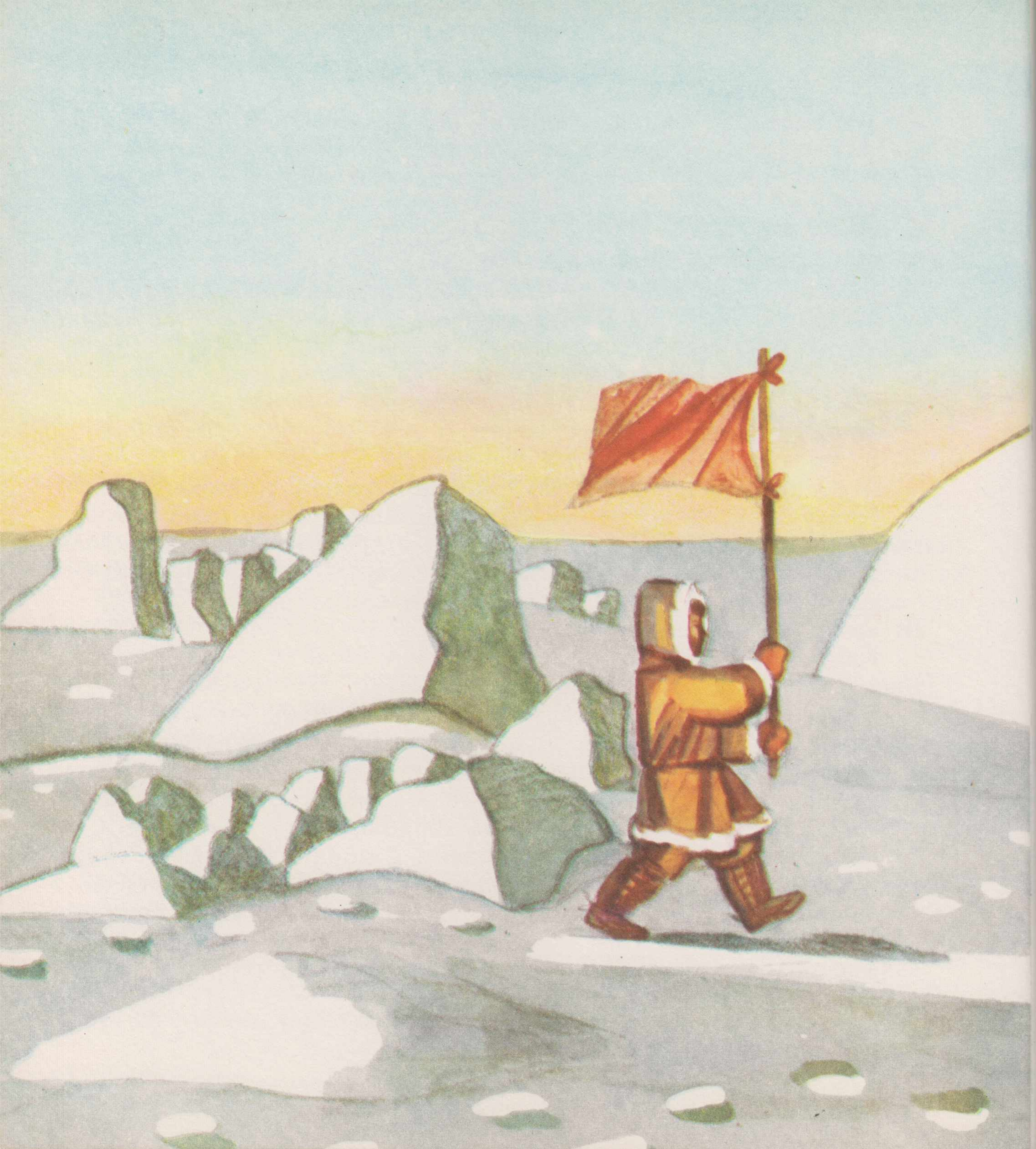
Вице-адмирал подумал и приказал:

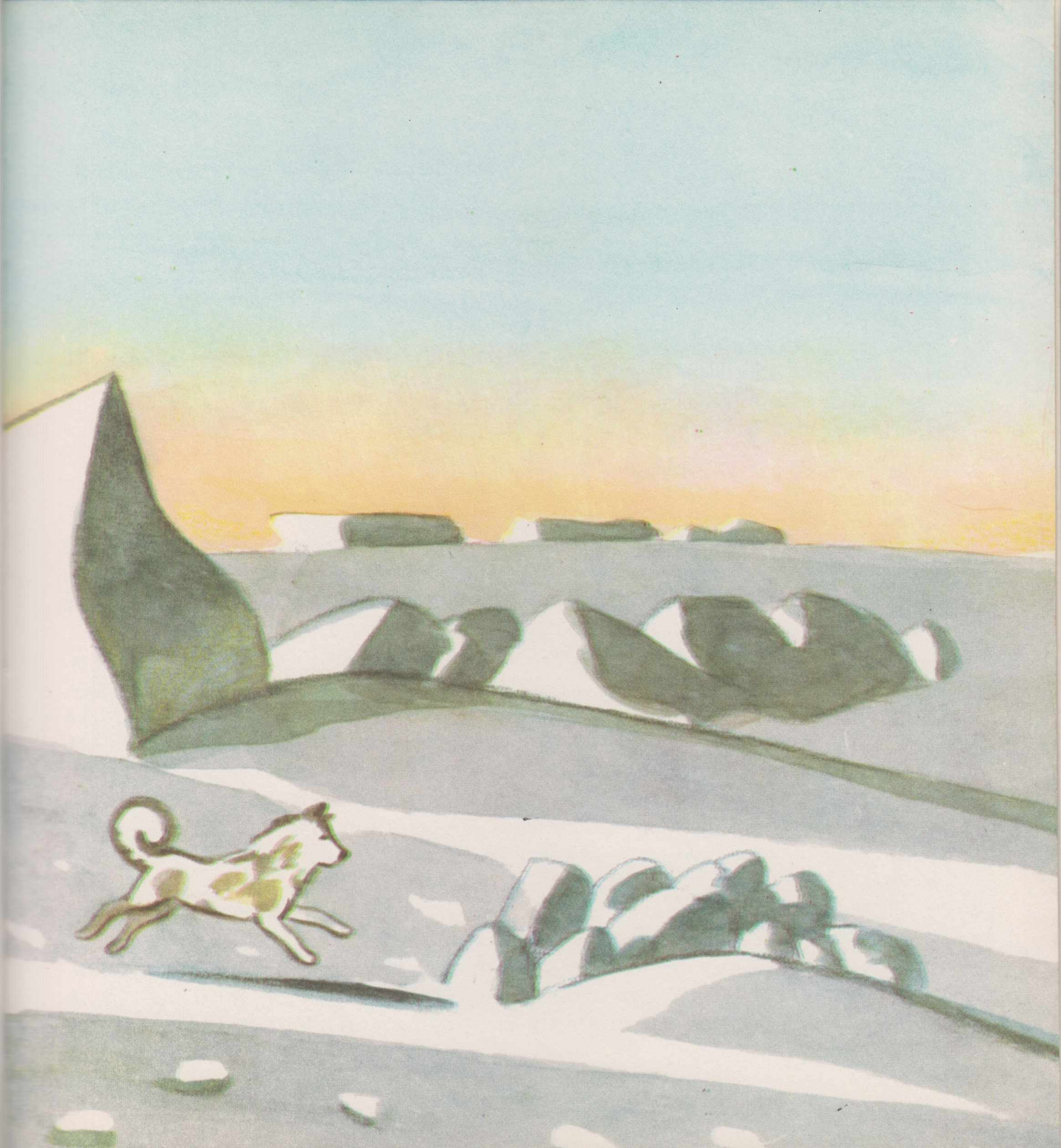
— Дайте указание командиру вертолёта вылететь вот этим курсом (он указал на карте «лагерь мальчика»). Выделите опытного штурмана, так как из «лагеря мальчика», после того как он примет его на борт, вертолёт должен вылететь прямо к Полюсу относительной недоступности, где все наши воздушные корабли будут производить посадку. Мальчика на землю мы отправим с обратным рейсом транспортных самолётов. Обяжите командира вертолёта держать связь с флагманским радистом. Вот всё... А Тэнмао, если он захочет, тоже может полететь за мальчиком.

Тэнмао просиял от радости и, положив руку на сердце, спросил:

— А можно мне?

— Конечно, Тэнмао.

— Я очень хочу.

— Теперь всё в порядке,— сказал вице-адмирал и, пройдя к матери мальчика, стоящей около дивана, спросил:

— Как тебя зовут?

— Уакат.

— Ну, вот что, Уакат, мальчика мы снимем со льдов специальным самолётом, которому не нужен аэродром. Этот самолёт может сесть даже около яранги. Считай, что мальчик уже почти дома.

Уакат слушала, глядела на этого русского начальника мокрыми глазами, и слёзы ручьём текли по её щекам.

— Ну что же ты плачешь, когда всё наладилось?

— От радости...— прошептала она.

* * *

В тот момент, когда вице-адмирал разговаривал с Уакат, её сын Айвам только что отпраздновал вместе с Лилитом первомайский праздник. Лилит уже вырос и из щенка стал собакой. Он стал ещё понятливее, но прежняя игривость у него исчезла.

— Лилит, а не ошиблись мы с Первым мая? — спросил Айвам.

Но собака на это чуть шевельнула хвостом и даже не подняла морду.

Первые дни, когда мальчик оказался на льду, когда чувство страха и тревоги не покинуло ещё его, Айваму и в голову не приходило интересоваться календарём. Лишь спустя некоторое время, смирившись со своим одиночеством во льдах, он однажды вдруг вспомнил: «Какое же сегодня число?» Мальчик лихорадочно стал восстанавливать числа месяца. Но эта задача оказалась нелёгкой: в голове всё путалось. Правда, он точно знал, какого числа люди ходят встречать первые лучи солнца, вспоминал, через сколько ночей после этого прилетал самолёт первый и второй раз, и всё же очень трудно оказалось устанавливать правильное число. Во всех сброшенных письмах лётчики забывали ставить даты. Вот почему у него не было уверенности в том, что он вовремя отпраздновал Первомай.

Полярная весна создавала Айваму отличное настроение. Во льдах теперь было хорошо. Стоял беспрерывный день, ночь исчезла совсем. И небо стало чистым. Прекратились пурги, изредка дули слабые тёплые ветра с юга и ласкали лицо, как тёпленькая вода. Но, несмотря на то что сильных ветров не было, полыньи образовывались морскими течениями, и в них показывались нерпы. Айвам очень удачно охотился. Теперь не нужно ждать, когда замёрзнет лёд, чтобы достать убитую нерпу. Из шкуры нерпы он вырезал длинный ремень. Пришлось из метеобудки вытащить несколько гвоздей, а её укрепить ремнями и сделать выброску, которой можно доставать убитую нерпу, плававшую на поверхности воды.

У Айвама ежедневно было много работы: охота на нерпу, рыбная ловля, записывание температуры, что он делал с величайшей аккуратностью, точно в срок, как было указано в письме полярников. Ведь раньше всё это он видел на полярной станции каждый день. Теперь он выполнял эту работу охотно и казался сам себе уже взрослым человеком. Айвам и к будке даже не бежал, а шёл степенным шагом. Кроме всего этого, мальчик занимался строительством. Дело в том, что старое жилище надоело Айваму, и к Первому мая он решил сделать себе новую пещеру. В стороне он подыскал хорошую глыбу льда, напоминавшую утёс, где хорошо можно было укрепить флаг, и с подветренной стороны стал долбить её.

К этому времени Айвам убил одиннадцать нерп и одного большого лахтака. Мяса было много, да и рыбы было немало. От обилия пищи пёс ожирел и, вероятно, от этого перестал играть, как раньше, предпочитая больше лежать.

Нерпы, лахтак и рыба валялись около пещеры. Это также побуждало Айвама построить новую пещеру, а в старой сложить мясо и рыбу, чтобы пёс не лазил по ним, когда ему вздумается.

Новая пещера была не очень большая, но с окном из тонкого льда и с дверью — занавеской из оленьей шкуры. В этой пещере были устроены ледяная лежанка и в сторонке — такой же стол кубической формы.

В день Первого мая, как и дома, Айвам демонстрировал с выцветшим от солнца флагом от пещеры к пещере. Лилит был не очень сознательным псом, и поэтому пришлось пинком заставить его принять участие в демонстрации.

После демонстрации они плотно закусили. Айвам напился тёплого супа и задумался. Давно уже не прилетал самолёт. Последний раз он был 19 апреля (теперь он отмечал и эти даты). «Наверно, самолётам надоело летать сюда»,— подумал он.

Он взглянул на часы, пошёл в будку, записал в тетрадку показания приборов и, взяв ружьё, направился к полынье. Здесь, на берегу, он постелил оленью шкуру, вскинул ружьё на изготовку и стал ждать, не покажется ли нерпа. Сегодня Айваму особенно хотелось думать.

— Лилит! — позвал он собаку.— Сейчас жить во льдах хорошо. А если самолёт всё время не сможет сесть? Зимой здесь трудно и ночью всё-таки страшновато. Скучно жить одному без солнца. Ты как думаешь?

Лилит в это время так бесцеремонно зевнул, что чуть не разорвал пасть.

Запас патронов большой, а вот керосин был уже на исходе. Ну, да ведь нерпичий жир можно использовать для разведения огня.

Неопределённость и неясность будущего наводили тоску на мальчика. «А что теперь думают Уакат, дядя Тэнмао?» А пёс благодушествовал, как будто и не желал лучшей жизни.

Вдруг Лилит поднял голову и навострил уши. Айвам приготовил ружьё и стал осматривать полынью. Но пёс смотрел в сторону. Через некоторое время до слуха Айвама донёсся гул мотора. Мальчик вскочил, взял бинокль и стал водить им по небу, но оно было чистое и ясное. А между тем гул мотора всё усиливался и усиливался. И вдруг низко, над самыми льдами, словно подкрадываясь, показалось какое-то чудовище.

Айвам заволновался. Это был не самолёт. Ведь самолёты он хорошо знал и сам в праздники не один раз катался на них.

Чудовище приближалось с неимоверной быстротой, как казалось

Айваму. Оно шло прямо на флаг, водружённый на ледяном утёсе новой пещеры. Айвам не отрывался от бинокля и всё разглядывал и разглядывал... Наконец он тревожно прошептал:

— Лилит, это летит что-то антисоветское... Бежим!

Он схватил ружьё и бросился бежать в торосы, подальше от пещеры.

Вслед за ним, чувствуя настроение хозяина, гнался Лилит.

Айвам бежал без оглядки. Он бежал во весь дух, пока не скрылся за торосом. Отдышавшись, он выглянул из-за отрога льдины и стал наблюдать за прилетевшим чудовищем.

Лилит насторожённо следил за хозяином и тоже волновался. Наконец он не выдержал и тявкнул. Айвам цыкнул на него, ударив слегка ногой.

Чудовище кружилось над флагом, словно высматривая жертву. Вдруг оно повисло в воздухе, и Айваму показалось, что выпустило когти. Но в следующий миг чудовище упало на пещеру, а может быть, бросилось, как сова на зайца.

«И людей нет»,— подумал Айвам, сжимая в руке ружьё.

За время жизни во льдах у Айвама нервы обострились. Не раз его преследовал страх. Иногда у него исчезало даже чувство реальности. И теперь он смотрел на чудовище с ужасом, стараясь не выдать себя, а в голове проносилось:

«Какое противное! А хвост какой безобразный! Пузо отвратительное. На спине клешни, как у краба. Они сделаны как будто из пластин китового уса».

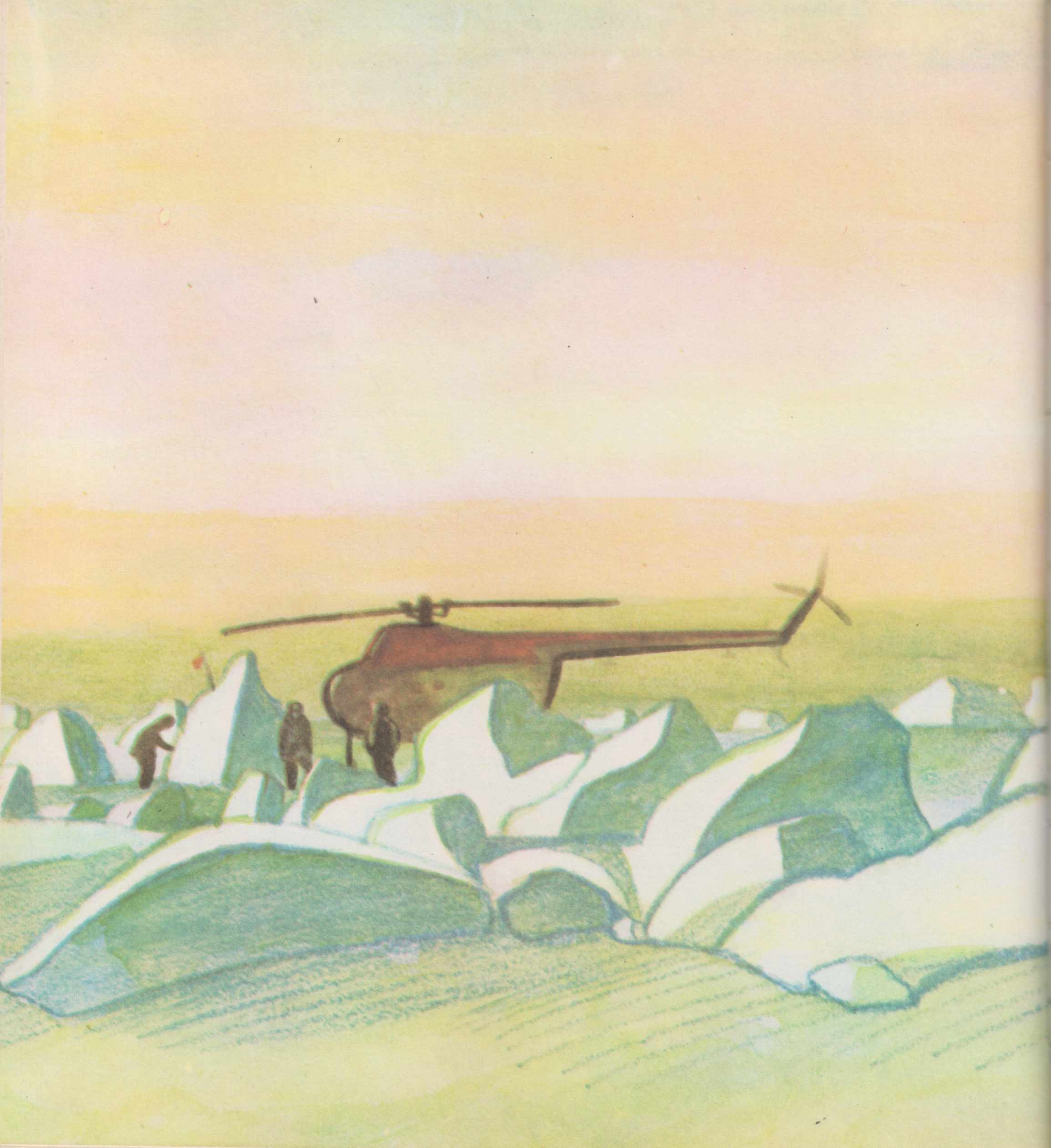
Вертолёт заслонил собой пещеру, и Айвам не заметил, как люди вошли в неё.

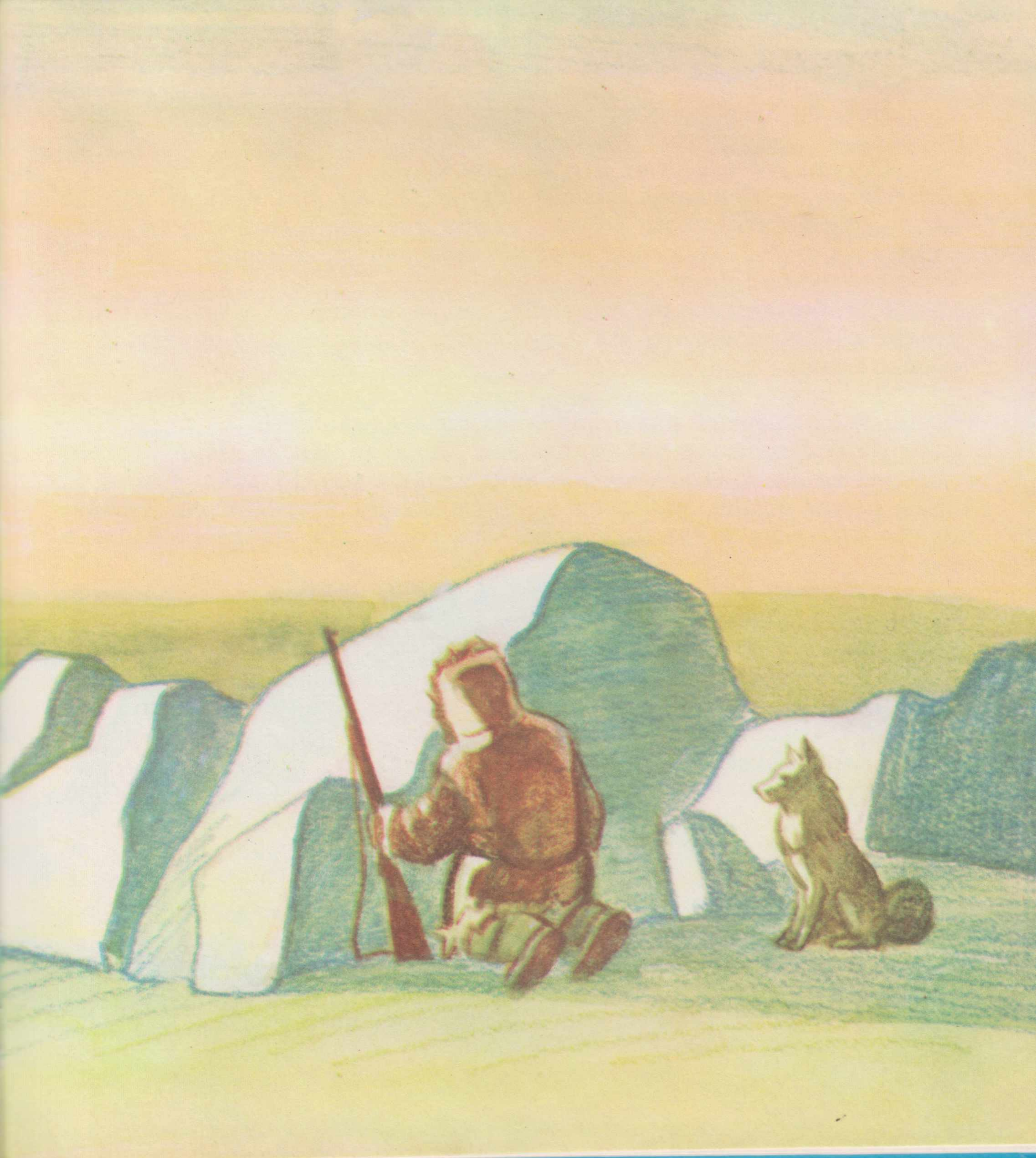
Лётчики и Тэнмао нашли в пещере признаки пребывания человека, но и только. Один лётчик взял тетрадку, заглянув в неё, покачал головой и спрятал её в карман.

Между тем Тэнмао, как следопыт, всюду шарил в пещере и около двери, словно обнюхивая каждый предмет.

— А может быть, мальчика давно уже нет? — спросил механик.

— Нет, он здесь! — ответил категорически Тэнмао. — Вот у двери его следы и след собаки. Это свежие следы.

— Откуда это известно, что они свежие?

— Он ушёл отсюда не больше как час назад. Вот видишь, солнце не успело углубить следы. Обувь грязнит снежок, и от этого на следу он быстрее тает. Мальчик недавно закусил и, наверно, ушёл на охоту, — говорил Тэнмао.

— Как бы далеко он ни ушёл, он не может не услыхать гула вертолёта. Тем более, что мы сели на лёд. Давно бы уже прибежал, — сказал лётчик.

— Да разве этот вертолёт — самолёт? Такого мы нигде и не видели! Я сам первый раз с робостью разглядывал его.

Вертолёт дверью стоял к пещере, никакой жизни вокруг этого чудовища не было. И как же оно прилетело сюда? По неосторожности Айвам нажал курок, раздался выстрел. Айвам вздрогнул от неожиданного выстрела и тогда, видимо уже со страха, начал стрелять в небо.

Дядя Тэнмао вбежал на торос, к флагу, и, сложив руки лодочкой, во весь голос крикнул:

— Айвам! Айва-а-ам!

Айвам насторожился, снял шапку с ушей и тихо спросил:

— Лилит, что такое? Кажется, меня зовут? Кто может звать меня здесь?

— Лилит, Лилит! — кричал Тэнмао.

— Это не наваждение ли? Тебя тоже зовут! — И Айвам, крепко сжав в руке ствол ружья, выглянул из-за отрога льдины.

То, что увидел Айвам, привело его в такой трепет, что он не мог даже крикнуть. Около флага стоял дядя Тэнмао. Наконец мальчик истерически закричал, огласив звонким голосом ледяную пустыню:

— Тэнм-а-а-а-о!

Дядя Тэнмао кубарем скатился с ледяного утёса и побежал на зов Айвама.

— Скорей давай, горючее у нас в обрез! — крикнул вслед ему лётчик.

Тэнмао, как в молодости, когда он догонял дикого оленя, бежал к мальчику, а Айвам, сорвавшись с места, но не бросая ружья, летел на всех парах к нему навстречу.

Дядя Тэнмао схватил племянника на руки и бросился к вертолёту. Казалось, что он тащил огромную мягкую куклу, которая обхватила жилистую шею смотрителя маяка. Мотор уже работал. Тэнмао с ходу вбежал в широкую дверь вертолёта, который стоял на четырёх маленьких колёсиках, и дверь мгновенно закрылась. Мощно заработал мотор. Вертолёт оторвался ото льда и тут же из вертикального полёта перешёл на горизонтальный и понёсся на бреющем полёте совсем низко над льдами. Айвам только что пришёл в себя.

— Это что такое, дядя Тэнмао? Где мы? — испуганно спросил он.

— Мы в самолёте, это очень хороший самолёт, Айвам. Мы уже в воздухе,— ответил дядя Тэнмао.

Мальчику казалось всё это сном, и он слушал с раскрытым ртом.

— Мы вверху? — спросил он.

— Да, да, Айвам.

И вдруг паренёк горько зарыдал.

— Что с тобой, Айвам? Ты не бойся. Ведь рядом с тобой я!

— Собачка... там осталась...— сказал Айвам, давясь от слёз, и заревел ещё пуще. Он плакал впервые. Казалось, что это скопились у него невыплаканные слёзы.

— Он боится? — крикнул механик.

Дядя Тэнмао поднялся к лётчикам, которые тесно прижавшись друг к другу, сидели вверху над лобовым стеклом, и, еле-еле выговаривая, так как у самого скопились в горле слёзы, умоляюще сказал:

— Собака там осталась... Надо бы взять собаку...

Лётчик снял шлем, посмотрел на страдающее лицо Тэнмао и, слыша плач мальчика, сказал:

— Будьте вы неладны! — и повернул вертолёт.— Ведь мы до места можем не долететь.

Вертолёт тут же повис над пещерой и осторожно сел на лёд. Дверь открылась, и механик сказал:

— Ну, давайте скорей, где эта собака?

Айвам выбежал на свою льдину и стал звать Лилита. Здесь он вдруг почувствовал себя хозяином. Но Лилита не было. Айвам бегал туда-сюда, но собаки нигде не обнаружил. Айвам вскочил в пещеру и увидел пса, который сидел, забившись в угол ледовой лежанки. Его глаза, сверкавшие злостью, вдруг повеселели, хвост зашевелился. Айвам схватил его на руки и вбежал в вертолёт.

— А может быть, и будку захватим? — спросил дядя Тэнмао.

— Нет, адмирал велел всё оставить, как есть. За дрейфом этой льдины будут ещё следить,— ответил механик.

Тэнмао сел на свёрнутый брезент, Айвам к нему на колени. Собака положила лапы на грудь мальчика. Айвам обнял Лилита за голову и держал его так крепко, как будто боялся, что пса отнимут у него. Так, вцепившись друг в друга, они и уснули все втроём после треволнений этого дня.

Вертолёт летел к Полюсу относительной недоступности. Испуг мальчика уже прошёл. Он видел, что его окружают хорошие советские люди, рядом с ним — дядя Тэнмао, которого он любил, как родного отца. Теперь он расспрашивал дядю о матери, о школе, об учительнице, о ребятишках. У него вдруг появилось так много вопросов, что дядя Тэнмао не успевал отвечать.

Лётчики пригласили его к себе, под лобовое стекло, откуда открывался вид на льды. Эти люди оказались такими же, как и все советские лётчики, с которыми ему приходилось встречаться. Айвам прижался к командиру и неотрывно смотрел вперёд на ледовые поля, над которыми совсем низко летел вертолёт. «Хороший самолёт — как пуля летит»,— подумал Айвам и по старой привычке разговаривать с собакой хотел поделиться с Лилитом, но, взглянув на лётчика, который весело кивнул ему, счёл неудобным этот разговор.

Вертолёт всё время держал связь со штабом высокоширотной экспедиции. До штаба оставалось лететь не более часа, но полёт вскоре осложнился густой облачностью. Искать экспедицию «вслепую» было делом весьма затруднительным, а при недостатке горючего —

невозможным. Как только вертолёт вошёл в облачность, он тут же начал набирать высоту, чтобы не «напороться» на какой-нибудь айсберг. Горючее было на исходе, и положение становилось критическим. Чтобы предотвратить вынужденную посадку, командир вертолёта принял решение прекратить полёт и подыскать подходящее место. Он пролетел ещё немного и стал пробивать облачность. Из горизонтального полёта он перешёл в вертикальный и стал спускаться.

Айвам следил за всем этим с величайшим вниманием. Но когда вертолёт пошёл вниз, мальчик насторожился. Он прилип к стеклу и смотрел, как вертолёт шёл вниз на лёд.

Вдруг Айвам крикнул:

— Лёд тонкий!

Лётчик автоматически что-то переключил, вертолёт как бы повис на месте и тут же пошёл вверх. Лётчик спросил его:

— А почему ты думаешь, что лёд тонкий?

— Я знаю,— сказал мальчик,— вода немного просвечивает. На таком льду не поймаешь наваги. А вот слева были торосы. Там обязательно будут маленькие площадки, как у моей пещеры.

— Ты так думаешь? — спросил лётчик.

— Да, я так думаю.

Вертолёт взял направление на торосы.

Мальчику показалось, что лётчик его слушается, и он ещё старательнее стал следить за льдами. Теперь Айвам молча глядел через стекло и вдруг, не отрываясь от наблюдений, замахал рукой, давая понять, что здесь надо садиться.

Но лётчик и сам видел, что здесь можно «приземлиться» совершенно безопасно. Среди высоких торосов он быстро поставил вертолёт на лёд. В штаб передали координаты и причину посадки.

Айвам выбежал на лёд с такой радостью, как будто эти торосы были его родным посёлком. Теперь, в окружении людей, он считал, что оказался уже на земле, и у него было отличное настроение. Тем более, что лётчик послушался его и сел во льды по его указанию. Но вдруг

Айвам заметил, что лётчик почему-то невесел. Он стоял с дядей Тэнмао на льду и говорил:

— Не долететь нам до места. Горючего не хватит искать штаб при плохой видимости. И продуктов маловато, если задержимся.

— А у нас ружьё есть,— вмешался Айвам.— С ружьём без пищи не будем. И патронов полный карман.

— Ишь какой ты храбрец! Ружьё и у нас есть, а того не знаешь, что в этих широтах даже и нерпы не встретишь. Говорят, её здесь нет.

— Не-е-ет,— недоверчиво протянул мальчик.— Вода есть, и нерпа будет. Вот пойдём в ту сторону, где хотели сесть на тонкий лёд. Там и полынья будет.

Айвам оказался на редкость словоохотливым. Ему нравилось разговаривать с живыми людьми. И бояться теперь совсем нечего.

— Пойдём сходим,— согласился лётчик.

Айвам навесил на плечо ружьё, и они отправились в путь. Как горный козлик, он прыгал с льдины на льдину, с выступа на выступ. Впереди бежал Лилит. «Вон он, властелин льдов! Как в родной стихии себя здесь чувствует»,— подумал лётчик.

Они дошли до тонкого льда, над которым совсем недавно висел вертолёт, забрались у припая на глыбу, и мальчик, лукаво подмигнув, сказал:

— Видишь, какой тонкий лёд? На нём человек провалится, не то что вертолёт. Айвам знает лёд!

— Это, конечно, правильно, а полыньи всё-таки нет,— подзадорил его лётчик.

— Сейчас нет, завтра будет. Вот посмотришь.

И они пошли по торосам к вертолёту.

Лилит бежал рядом. Вдруг Лилит присел, навострил уши и, сорвавшись, бросился в сторону вертолёта.

Айвам сразу заволновался, переменился в лице и крикнул:

— Бежим! Сейчас здесь будет трещина.

— Подожди, подожди. Почему будет? — спросил лётчик, недоумевая.

— Бежим, бежим! Скорей бежим! — И мальчик ринулся вперёд.

Серьёзному лётчику не хотелось ни с того ни с сего бежать, тем более что его громадные унты и тяжёлый комбинезон не располагали к спорту. Но, найдя предлог, он сорвался с места и на ходу крикнул:

— А ну, давай вперегонки!

Лилит мчался впереди, за ним летел, сверкая пятками своих лёгких торбазов, Айвам, и, немного отстав, неуклюже, но крупными шагами нёсся лётчик.

Раздался выстрел, и Айвам мгновенно остановился.

— Теперь можно не бежать. Уже образовалась, — сказал мальчик.

— Что образовалась?

— Трещина. Это лёд выстрелил. Можно её посмотреть сейчас.

Они вернулись, и изумлённый лётчик стоял на краю трещины, далеко уходившей и в ту и в другую сторону, и всё удивлялся, покачивая головой. Трещина была уже настолько широкой, что её не мог бы перескочить даже самый хороший прыгун. Отколовшиеся торосы уходили в сторону тонкого льда.

А мальчик смотрел на эту трещину улыбаясь.

— Вот сейчас она станет полыньёй, — сказал Айвам. — Трещины, они всегда подкрадываются неожиданно. После выстрела льда можно не добежать до неё.

Лётчик слушал его с вниманием. Мальчик видел, что он рассказывает лётчику вещи, которых он, такой смелый и взрослый человек, не знает. И это наполняло его сердце радостью.

— Ну и молодец ты! — восторгался лётчик.

— Это не я. Это Лилит. А я тоже до выстрела не узнал бы.

В это время был уже большой полярный день. Утром солнце пробило облачность, и вскоре всё небо очистилось и стало высоким-высоким и безоблачным. На горизонте показалась чёрная точка. Это летел второй экспедиционный вертолёт. Вскоре он сел рядом. Вышел улыбающийся белобрысый лётчик.

— Привет вам! — сказал он. — Горючее привёз.

— Зачем это? Мы, может быть, и так долетели бы?

— Может быть, а тут наверняка,— ответил весёлый лётчик.

Айвам стоял в сторонке и внимательно прислушивался к их разговору. Он думал: «Как помогают друг другу лётчики!»

— А где этот мальчик, которого вы сняли?

— Вот он стоит.

— Ох ты какой! Как Амундсен! Ну, здравствуй! — И весёлый лётчик крепко пожал ему руку.

Не выпуская его руки и глядя Айваму в глаза, он добавил:

— Молодец! Теперь к празднику будешь дома.

— К какому празднику? — спросил мальчик.

— Как — к какому? К первомайскому.

На лице мальчика появились растерянность, смущение, и он тихо спросил:

— А разве его ещё не было?

— Кого?

— Да праздника-то?

Командир вертолёта, снявший Айвама и присутствовавший при этом разговоре, вынул тетрадку и, улыбаясь, сказал:

— Молодец-то он молодец! Это правильно. Только этот Амундсен ускакал вперёд на четыре дня. Вот смотрите: мы прилетели к нему 26 апреля, а у него что записано в этот день? Полюбуйтесь: «1 мая — температура минус 8». Видишь, какое дело?

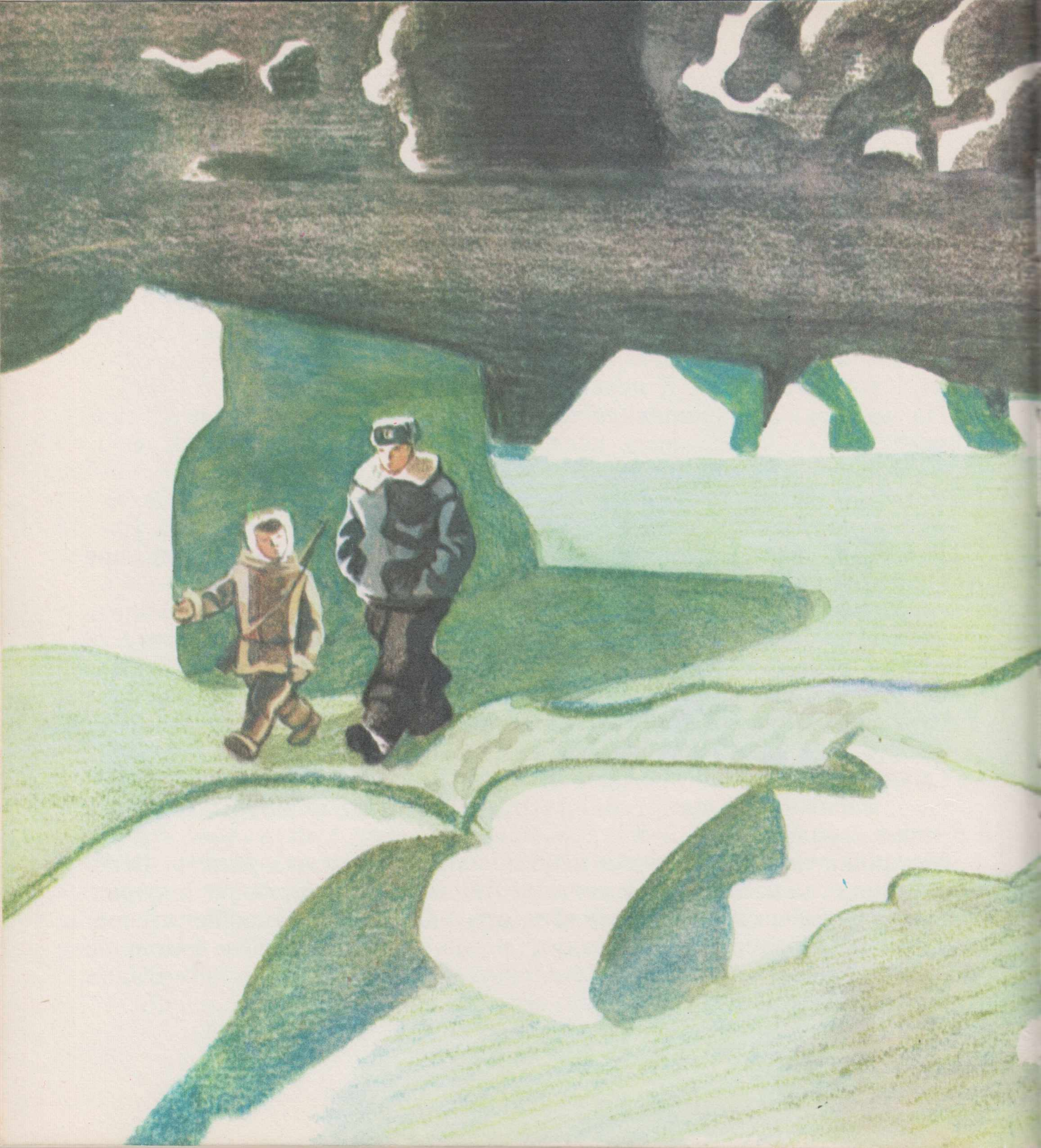
Весёлый лётчик расхохотался и в шутку сказал:

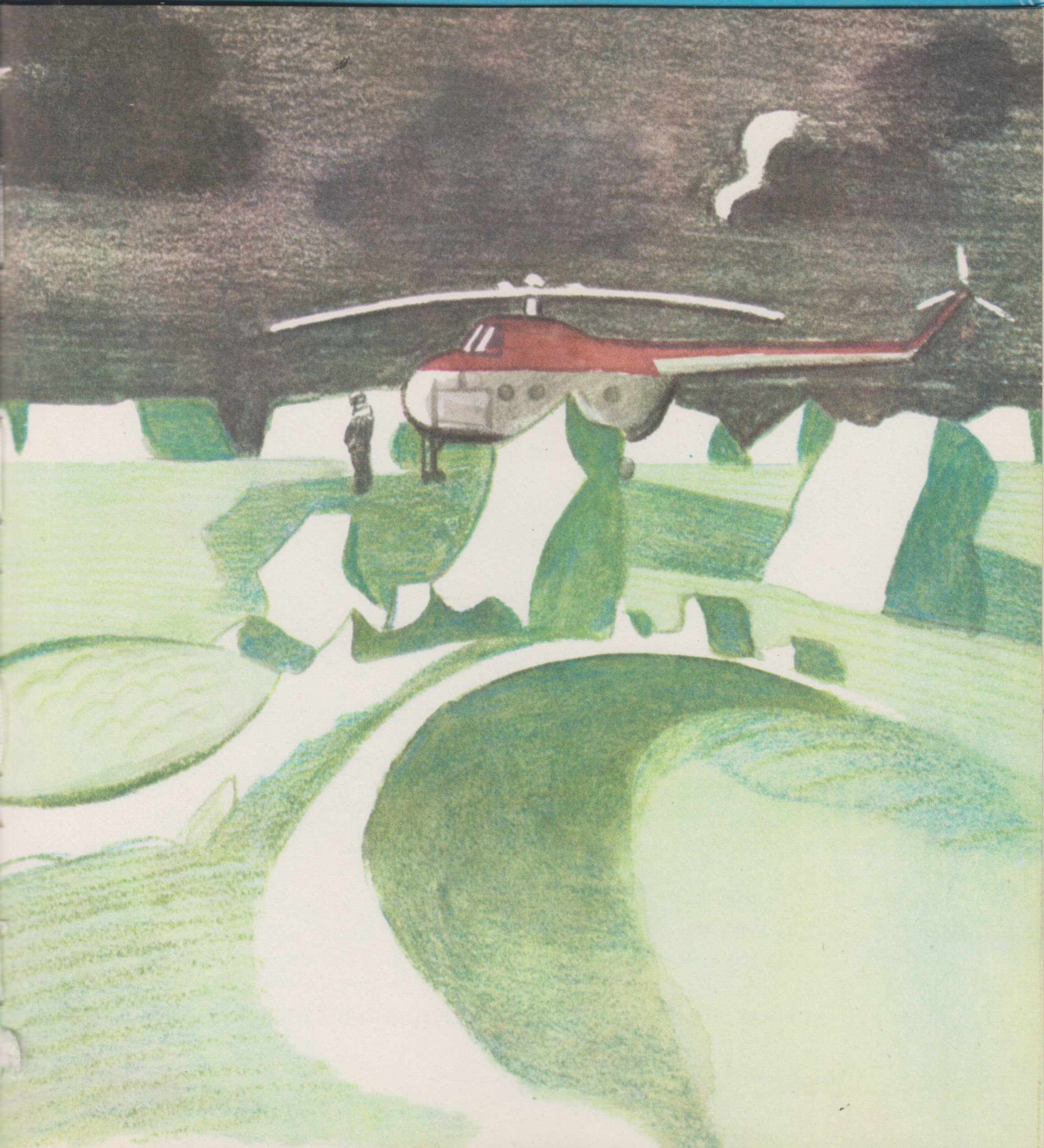
— Это ещё надо разобраться, кто здесь ошибся.

Смущаясь, мальчик проговорил:

— Я ошибся. Я и сам думал, что, может быть, ошибусь. Там ещё, в пещере, думал.

Механики перелили бензин и объявили готовность к отлёту. Весёлый лётчик стал подниматься первым. Айвам затаив дыхание смотрел, как колёсики вертолёта отделились ото льда, как обвисшие клешни выпрямились, разбрасывая воздух, и как это вчерашнее чудовище полезло в небо, и видно было, как весёлый лётчик помахивал рукой.

Через час оба вертолёта опустились на дрейфующей станции, где стояли большие самолёты, автомобили, трактор, где было очень много людей, спешно строивших в разных местах домики и палатки. Две палатки были уже собраны: это кают-компания и медицинская.

— Дядя Тэнмао, это чей посёлок?

— Это, Айвам, не посёлок. Это Северный полюс. Вот все эти люди собираются здесь жить круглый год,во льдах,— ответил дядя Тэнмао.

Вдруг огромный экспедиционный пёс прыгнул на Лилита, подмял его и стал грызть. Айвам бросился в свалку собак, вслед за ним Тэнмао. Кто-то из работников экспедиции за хвост оттаскивал своего негостеприимного пса. Всё смешалось в одну кучу, но Айвам грудью защитил своего Лилита. По руке его сочилась кровь, и Айвама отвели в медицинскую палатку. У него оказалась большая царапина пониже локтя.

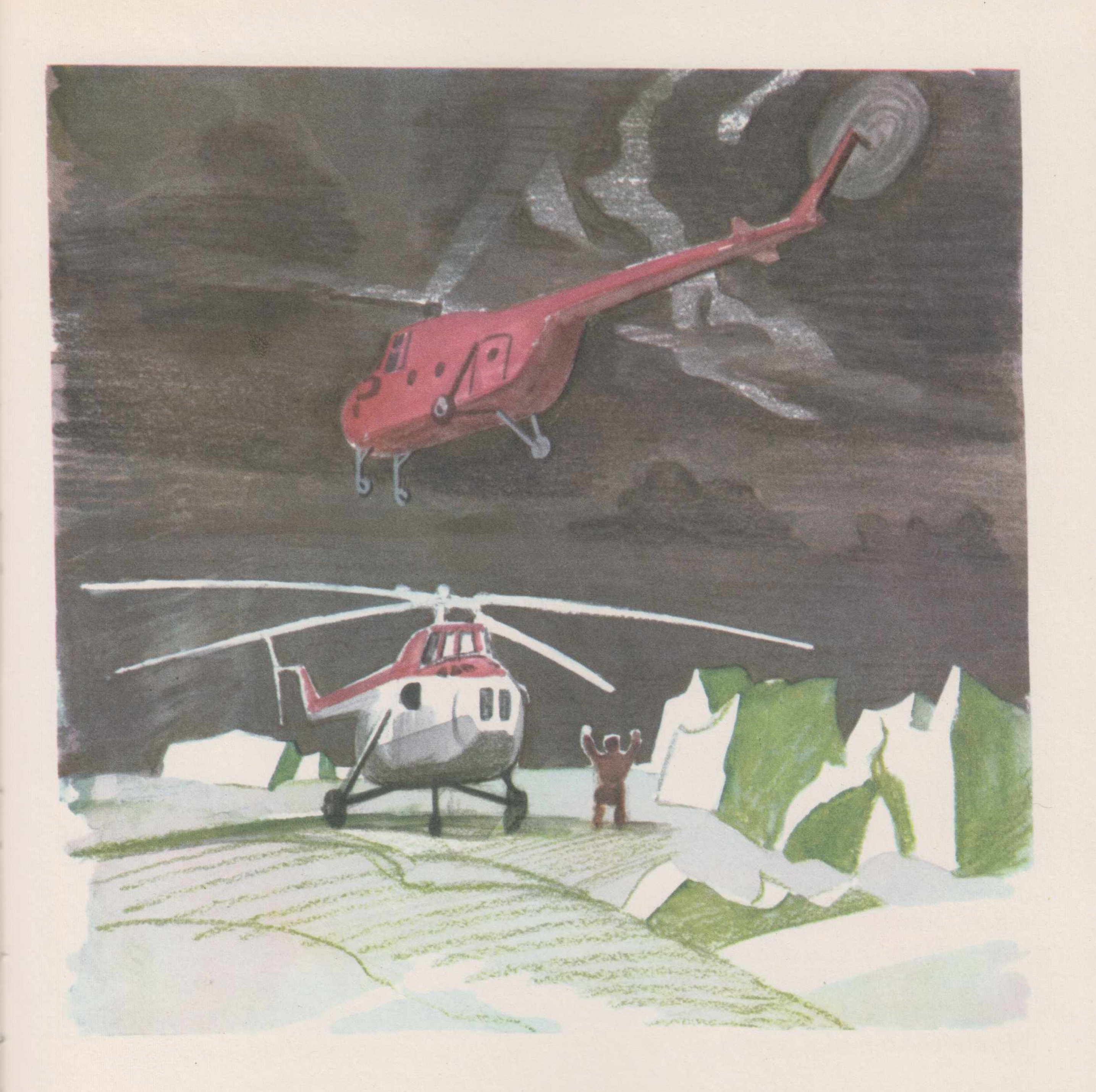
В палатке стояли переносная кафельная печь, письменный стол, две алюминиевые кровати и всевозможный медицинский инструментарий. Самого доктора здесь не было: он в камбузе отпускал продукты, так как, помимо медицинских обязанностей, заведовал и продовольствием экспедиции. Палатка была просторной, с окнами.

Рана саднила, и Айвам в ожидании доктора прикрыл её рукой и разглядывал всё, что находилось в палатке. Здесь стояли даже и весы для людей. Но больше всего его интересовал пол. Как же так? В палатке тепло, топится печь, а ведь пол ледяной, палатка стоит на льду. Оказывается, что здесь сохраняют лёд, чтобы на нём жить. Лёд на полу закрыт толстой фанерой, потом войлоком и толстым дорогим ковром.

«Вот как утепляют лёд»,— подумал мальчик. И всё же лёд кое-где подтаивал — ощущались его неровности.

Лилита в палатку не пустили, и дядя Тэнмао на улице охранял его.

Наконец явился доктор. Он остановился около дверей и крикнул:

— Айвам, здравствуй!

Доктор до высокоширотной экспедиции два года работал на полярной станции, где жил Айвам. Они так обрадовались друг другу, что забыли и про рану на руке. И лишь спустя некоторое время, доктор, спохватившись, сказал:

— Ну, покажи рану!.. Эта царапина быстро заживёт...— И доктор залил её йодом.— Вот не ожидал,— говорил доктор, бинтуя Айваму руку.— Я слышал о плавающем на льдах мальчике, но никак не думал, что это ты. Ну, молодец! Ведь ты один плавал?.. Вот герой!

— Нет, не один, вдвоём,— ответил мальчик.

— А кто же второй?

— Лилит.

— Какой Лилит? Я знаю его или нет?

— Нет,— усмехнулся Айвам.— Он родился после вашего отъезда на Большую Землю.

— Позволь, позволь! Что ты говоришь?

— Да Лилит — собачка,— разведя руками, сказал Айвам.

— Фу ты! А я ведь думаю, речь идёт о человеке. Так, значит, ты всё время плавал с собачкой? Ну, друг мой, тебе предстоит сделать доклад о том, как ты плавал на дрейфующей льдине. Нам ведь жить год на льдах...

* * *

— Ну, как тут чувствует себя наш герой? — сказал вошедший вице-адмирал Бахарев и сел рядом с мальчиком.

— С рукой у него всё в порядке,— ответил доктор.

— Уколы не нужны?

— Нет, это царапина когтем.

И, обращаясь к мальчику, вице-адмирал с улыбкой спросил:

— Как же ты опростоволосился? А? Лишних четыре дня, говорят, присчитал?

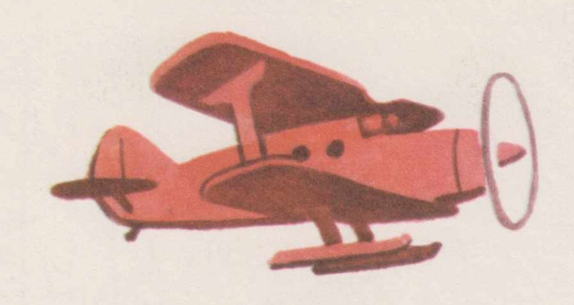

Мальчик смотрел вниз, сопел себе под нос, изредка украдкой взглядывал на адмиральские погоны и молчал.

— Ладно,— сказал Бахарев.— Это ничего. Дома ещё раз отпразднуешь Первое мая. Сейчас два самолёта отправляются на землю. Хочешь лететь сейчас или погостишь у нас здесь? Самолёты ещё будут,— сказал вице-адмирал.

У Айвама навернулись слёзы. Он тихо сказал:

— Я сейчас хочу. Я маму давно не видел.

Для младшего школьного возраста

Тихон Захарович Сёмушкин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЙВАМА

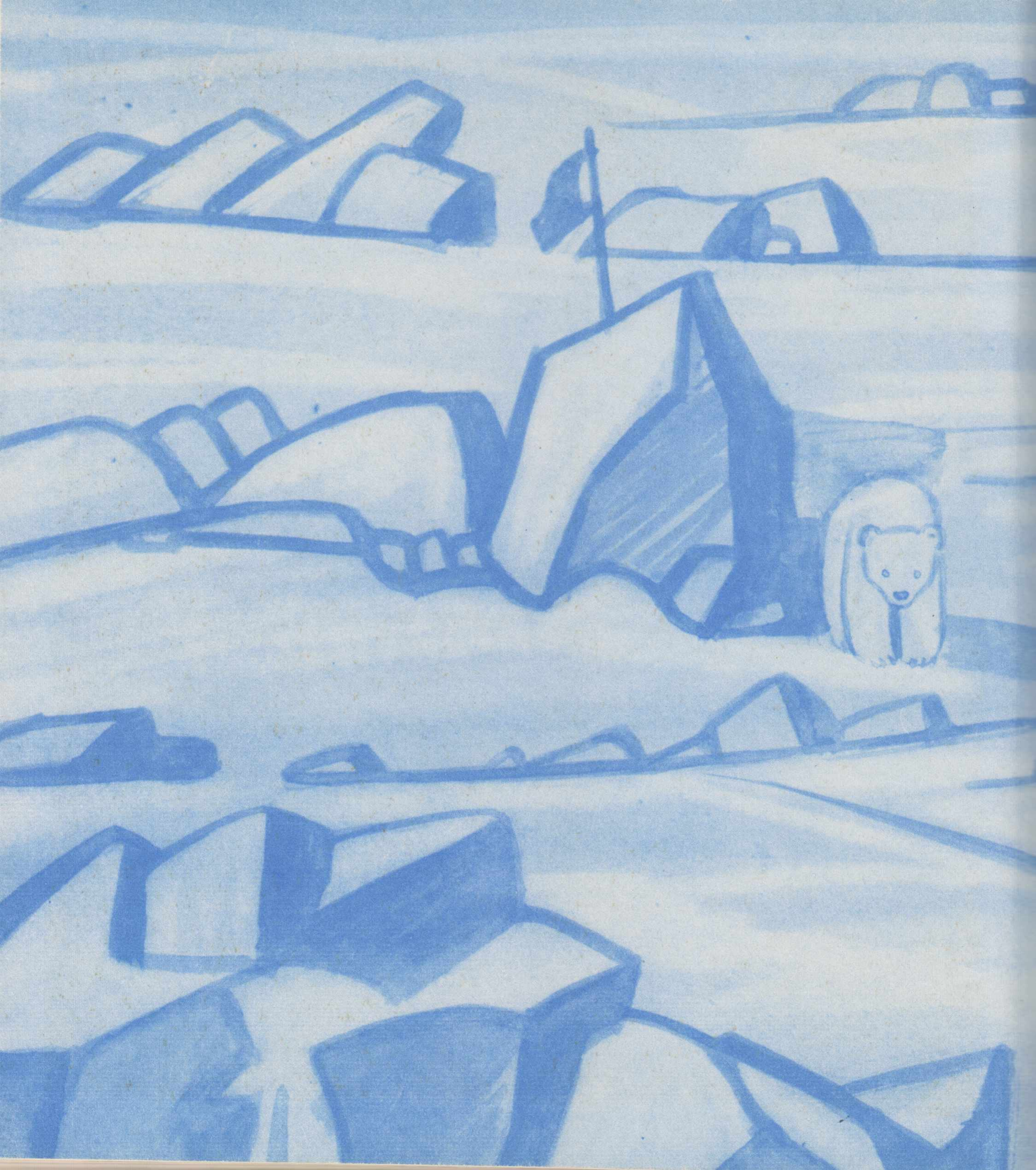
Художник Ю. Копейко

Редактор Б. Цыбина. Художественный редактор *О. Ведерников.* Технический редактор *Н. Житенёва.* Корректоры *Н. Пьянкова и С. Бланкштейн.*

ИБ № 545

Сдано в производство 18/II-77 г. Подписано в печать 13/I-78 г. Ф. 84×90/16. офс. № 1. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,78. Тираж 100 000. Изд. № 3712. Заказ № 639. Цена 90 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

С $\frac{70802-085}{М102(03)-78}$ 84—78

90 коп.